

ЕКАТЕРИНА ГРАФФ

НЕНУЖНАЯ ЖЕНЩИНА.

«Ты спрашиваешь, кого я любила? – накануне
своего самоубийства писала Вирджиния своей подруге Рите
Саквилл-Уэст. – Никого. Бог отнял у меня способность любить

живых людей. Я любила создания своего воображения...».

Вирджиния Вулф.

Такое случается. Такое вполне возможно среди взрослых людей, которым нечего терять и нечего жалеть. Их молодость позади, но им хватает наглости не жалеть о ней или, по крайней мере, делать вид, что они не жалеют о ней. У них было достаточно времени выучиться лицемерию. Если, все же, в глубине души они и сожалеют о быстро пролетевших годах, то не показывают вида. Они еще хорошо носят свои лица и свои тела. Им осталось лет пятнадцать-двадцать, после чего их настигнет старость. Сейчас они еще в самом соку, за плечами у них опыт, ум работает в полную силу, они не потеряли способности фантазировать.

Освободившись от амбиций и обязательств молодости, они принадлежат себе. Они играют со своими жизнями и судьбами: и то и другое в их полном распоряжении. Дети выросли, карьера сделана или утеряна навсегда, мечты превратились в реальность или развеялись в дым. Судьба, предначертанная свыше, почти исполнена. Остаток их жизни принадлежит им. Они – опасные животные: зрелые, сильные и умные. В их поведении много коварства. Некоторые из них, несомненно, стали жожаками.

Другие оказались менее удачливыми. Кто знает, чья в этом вина? Однако они еще тоже надеются встать на ноги, обрести второе дыхание. Все эти люди вращаются в определенном кругу, каждый в своей среде. Они танцуют на краю пропасти, совсем скоро некоторые из танцующих сорвутся вниз и, еле живые, будут влачить в темноте жалкие годы своей старости. Немногим удастся удержаться там, наверху.

А, пока, каждый из них играет в свою игру, последнюю стоящую игру в его жизни. Несмотря на результат, на то, что кто-то победит, а кто-то проиграет, игрокам нельзя отказать в том, что все они сложившиеся личности. Столкнувшись в жизни случайно, они решают сразиться, рискнуть, сыграть свою игру с партнером по обстоятельствам.

ЧАСТЬ 1.

Весенняя Вена. Кафе Diglas. Она сидит за мраморным столиком одна, изредка поглядывая на свое отражение в зеркалах. Он подходит к ней.

- Могу я Вам предложить коньяку или шампанского? Или чашечку кофе? Или что-нибудь сладкого, на ваш выбор? Кусочек торта с красной смородиной? –

Все эти вопросы он задает стоя, ожидая разрешения присесть.

Она долго и пристально смотрит на него.

- Банальный набор, - наконец говорит она.

- Не скажите, их фирменный торт с красной смородиной – изысканное блюдо. Хотя, правду сказать, больше всего мне хотелось бы показать вам Вену. Вы ведь нездешняя? – Не дождавшись приглашения, он решил присесть сам, аккуратно устроившись на соседнем стуле с красной плюшевой обивкой.

- Нет, нездешняя. Послушайте, для жиголо вы слишком стары. А я хоть и не молода, но безденежна, так что не утруждайте себя, предлагая мне сладкого или Вену.

- Ошибаетесь, я не жиголо. А вот вы одиноки.

- Здесь, в кафе, я, без сомнения, одинока. Сажу одна за столиком.

- В жизни?

- Замужем.

- Ах, да, вы ведь носите кольцо. Но бриллиант плохой.

- У меня было прекрасное кольцо с тринадцатью бриллиантами. Его украли.

Не знаю, почему я оправдываюсь перед вами.

- Вы тщеславны. Зачем же вы носите плохой бриллиант?

- Чтобы убедить себя в том, что я замужем.

- Не хотите признаться себе в том, что одиноки?

- Я не хочу признаваться вам в том, что одинока. Это не ваше дело. Вы – первый встречный, предлагающий мне торт со смородиной.

- Женщины любят сладкое.

- Это очень поверхностное наблюдение.

- Не скажите, чем старше женщина, тем больше ей хочется сладкого. Я читаю научные статьи. Могу объяснить. Это связано с ...

- Не надо. Я сладкого не люблю с детства. Вам что, нечего делать? Вы не работаете?

- Я уже все заработал.

- Грустно. И теперь развлекаетесь, показывая Вену увядающим женщинам?

- Почему вы злитесь? Я вышел с утра...

- С утра?

- Ну, не совсем. Я немного понежился в постели. Сегодня холодное утро.

Идет снег. Весенний снег. Потом я решил спуститься в кафе, выпить чашечку кофе с рогаликом. Увидел вас, одиноко сидящую за столиком. Вы мне понравились. Мое сердце, затрепетав, направило мои стопы к вам. Мой разум, как часто в таких случаях бывает, отсутствовал. Вот, разговариваю с вами, не знаю, что предложить. Вы злитесь и почти оскорбляете меня.

- Я не люблю людей и поэтому не хочу вступать с вами в какие-либо отношения. Жизнь научила меня быть осторожной. У меня нет друзей.

- Это уж слишком осторожно. Вы живете в изоляции, полной ужасов. Но вы смягчились, снизили до объяснения, это приятно.

- Из людей мне хватает мужа. Он и воплощает все ужасы.

- Судя по всему, ваш муж здорово вас развлекает.

- Почему мы разговариваем?

- Я настаиваю на том, чтобы показать вам Вену. Вам понравится.

- А что после? Вы удовлетворитесь только экскурсией?

- Мне думается, мы продолжим знакомство.

- Вы заставляете меня. Я этого не люблю.

- Я настаиваю, потому что оно того стоит. Ваши очаровательные, грустные глаза, ваше выразительное лицо стоит того, чтобы настаивать.

- Вам только кажется. Вы не знаете меня, я абсолютно не знаю вас. Эта экскурсия может оказаться чем угодно.

- Вы боитесь?

- Да, боюсь.

- Как насчет того чтобы рискнуть?

- Мне бы хотелось определенных гарантий.

- Если я вам поклянусь в том, что я не извращенец и не серийный убийца, вы поверите?
 - Постараюсь.
 - Скучная вы женщина, ей-богу! Совсем не авантюристка. Ваши глаза, впрочем, вас выдают.
 - Уже много лет я стараюсь вытравить из себя авантюристку.
 - Получается?
 - Не совсем. Она без боя не сдается.
 - Вот видите! Отбросьте осторожность, рискните.
 - Если только вы пообещаете, что экскурсия будет только экскурсией.
 - Мадам, мы пошли по второму кругу. Риск не должен быть приуменьшен гарантиями. Риск прекрасен сам по себе, он будоражит кровь. Вы или рискуете или нет. В противном случае, вы – лицемерка.
 - Если бы мне было лет семнадцать, я согласилась бы не раздумывая. В молодости риск не считается идиотизмом. В моем возрасте мне бы хотелось иметь достаточно разума, чтобы просчитать все возможные последствия, которые повлекут за собой смущение и, неизбежно, стыд.
 - Какие последствия? Что же вам терять? Теряют в молодости. Девственность, амбиции, мечты, иллюзии. Все это вы должны были уже потерять!
 - Все это я потеряла, вы правы. Но я приобрела нечто другое: привычку размышлять. Процесс аналитического мышления приносит гораздо больше удовольствия, чем любой риск.
 - Ого! Вы умеете думать! Но если процесс аналитического мышления уже окончен, могу ли я услышать ответ?
 - Я бы ответила утвердительно.
 - Не прячьтесь за словами. Скажите просто «да».
 - Я до сих пор не знаю, на что соглашаюсь.
 - Неважно. Все начнется с осмотра Вены. Я покажу вам волшебные места. Вы, конечно, снимите ваш плохой бриллиант. Он будет портить впечатление. Кроме того, мне кажется, что, поглядывая на него время от времени, вы заставляете себя помнить кое о чем.
 - О чем же?
 - О вашей верности.
 - Неправда. Сохранять верность моему мужу - чисто добровольное занятие, как пожертвования, хочешь делай, хочешь нет. Никто тебя не упрекнет и не накажет. История нашей совместной жизни меня к верности не обязывает.
 - Вы боитесь только мужчин или, вообще, всех?
 - Я обожаю своего сына и свою кошку. Остальных людей и животных я стараюсь избегать.
 - Кто вас так напугал?
 - Когда вы планируете экскурсию? Или вам расхотелось показывать город испуганной женщине?
 - Завтра.
 - Нет, завтра слишком рано. Через неделю. Я даю вам время подумать.
 - Где мы встретимся?
 - Приходите сюда.
 - Не обманите?
 - Не знаю.
 - Будьте умницей. Приходите.
- Он ушел.

Женщина продолжала сидеть за столиком. Она думала. Ей вдруг захотелось поехать с ним смотреть Вену. Он ей понравился. Она сказала правду, дома ее ничего не удерживало: ни привязанность к мужу, ни щепетильность, ни здравый смысл. Она хотела развлечься.

За светлым окном кафе серел асфальт, в лиловом воздухе медленно падали снежинки. На небольших закругленных клумбах мерзли под поздним снегом крокусы. Женщина думала о своей жизни и о своем муже. Много лет назад она влюбилась в его доброту, непосредственность, сентиментальность, грацию и прекрасной формы уши. Да, именно так: в абсолютную форму его ушей. Что же вышло из этого? Его доброта обернулась слабостью, он просто не умел отказать, его непосредственность превратилась в расхлябанность и необязательность, сентиментальность в плаксивость по пустякам. Уши, правда, не изменились. За годы их супружества он нажил уйму врагов, которые ненавидели заодно и ее, часто адресуя свою неприязнь и угрозы ей. Не желая того, она вдруг стала плохой в глазах многих людей, и очень из-за этого страдала. Женщина перестала жить спокойно и счастливо. Она засыпала, боясь холодных простыней, и просыпалась со стиснутыми кулаками и ледяными ступнями. Не осознавая, кого именно она боится, она очеловечила сам страх и справлялась со своим врагом плохо: он постоянно над ней довлел. С отчаянием она справлялась лучше – замкнувшись в своем одиночестве и в четырех стенах своей квартиры. Еще ей было стыдно. Она стеснялась своего мужа. По этой причине она избегала появляться с ним на людях. Ей казалось, что его не уважают. Ей не хотелось связывать свой внешний образ с его внешним образом, другими словами она не хотела, чтобы люди видели их вместе. Пусть лучше знают их по отдельности. Или, вернее, знают его и не знают ее.

Иногда женщина все же выходила из дому. Она покупала себе одежду и книги. Но не только. Раз в неделю она заглядывала на самый большой венский рынок – Naschmarkt в районе Видена, а по субботам навещала знаменитую барахолку Flohmarkt. Там она часами разглядывала небольшие предметы и прячущиеся друг за друга удивительные мелочи, принадлежавшие разным эпохам и разным людям. Женщине казалось, что эти вещицы, привыкнув к своей компании в коробках у определенного продавца, не хотят расставаться, поэтому и прячутся друг за дружку. В этих коробках, на полках пыльного склада, они живут своей жизнью, тоскуя, любя, а, главное, храня воспоминания. Жаль, что предметы и вещи, созданные нами и почти всегда живущие дольше нас, не говорят на наших, людских языках. Сколько историй они могли бы порассказать! Сколько секретов поведать! Про нас, людей, и про наши великие и непутевые жизни.

Выходя в город, женщина специально одевалась, тщательно продумывая детали своего туалета с вечера. Утром она колебалась – всегда легче отказаться от еще одной пары чулок или новой блузки, чем в угоду своему запоздалому самолюбию прилагать такие усилия и краситься, причесываться, одеваться. Правда, после она всегда бывала довольна. В возрасте сорока восьми лет, она оставалась привлекательной и подтянутой. Будучи давно одинокой, она понятия не имела, как реагировали на нее люди. Делая покупки, она иногда ловила на себе взгляды мужчин, ей было приятно, но в то же время, почти безразлично. Безразлично в том смысле, что она не связывала ни своих надежд, ни планов со случайным знакомством.

Сегодня был один из тех дней, когда она заставила себя выйти из дома. Книга – не пара чулок, без нее не обойдешься, и когда женщине нечего было читать, она испытывала жажду. Обычно, ее потребность в общении сводилась к

разговорам с кошкой и чтению книг. Читая, она разговаривала с теми, кто уже умер или ещё жил, но кто был способен удивить ее чем-то новым или думал так же, как она.

Ей нечего было ждать от этой жизни, уж конечно не новых свершений, они все остались позади, в том времени, когда она была свободна и самостоятельна, и не была обременена разрушительной силой своего замужества. Теперь на новые свершения не доставало сил, фантазии и куража. «Сейчас у меня есть немного денег. Надолго ли их хватит? Он в очередной раз потеряет работу», - женщина почувствовала себя бесконечно уставшей.

Она уже не думала о том, что ей нужна любовь, или, на худой конец, любовник. Что она могла бы развестись и, при благоприятных обстоятельствах, снова выйти замуж. На этот раз, правда, после некоторых раздумий и колебаний. Тщательно все взвесив. Ей не хотелось ни приближаться самой, ни подпускать к себе чужого человека. Она боялась людей: они были злы, насмешливы и опасны. Любое знакомство требовало неминуемых эмоциональных усилий, а потом новый знакомый или знакомая, или супружеская пара, все равно оказывались не теми. Женщина была сложной и требовательной натурой. Она понимала, что больше половины ее жизни осталось позади. Пропустив свою юность и молодость, только потому, что ощутить и прочувствовать их, задержав мгновение, было некогда, она оказалась сорокавосемилетней. Это открытие ее не обрадовало, но она ни о чем не жалела, ее молодость была заполнена до краев учебой, работой, рождением сына. И потом, сожалеть было глупо: сколько не горюй, никто тебе твою молодость не вернет.

В молодости не было ума, способности размышлять. Хотелось, как можно скорее покончить с сегодняшним днем и оказаться в завтрашнем. Постоянно, каждый вечер, не терпелось в завтрашний день. Именно это нетерпение называется иллюзией молодости: постоянное возбуждение, уверяющее в том, что завтра непременно что-то случится, что твои ожидания и мечты сбудутся, но завтра становилось сегодня, а мечты были все так же далеко. В молодости казалось, что перемен с твоим телом никогда не случится – старость принадлежала кому-то другому. Не было необходимости остановиться, запереть двери, остаться наедине с собой, объять себя думами, запечатлеть свой внешний облик на пленку разума. Она знала, но не понимала, что была когда-то молода. Пропустив, не ощутив, не побывав мученицей своей молодости, не принеся ей жертв, женщина не чувствовала связи с собой тогдашней, молодой. Все бегом-бегом. Пробежала свежесть, красоту, упругость. Пробежала желания и фантазии, теперь научилась думать.

Оказавшись ненужной мужу, она стала принадлежать себе. Время стало бежать медленней и появилось время рассмотреть свое лицо в зеркале, свою фигуру, покопаться в душе, разобраться с мыслями. Определиться, опереться, увидев себя и, впервые в жизни, запомнить свой образ. Появилось время для воспоминаний. Свяжав себя с маленькой девочкой, играющей в саду, женщина поняла, что сорок лет тому назад она тоже жила. Ее теперешний образ не отталкивал ее, но с ним надо было что-то делать.

Больше всего на свете женщина хотела одиночества. Обеспеченного одиночества. Уже три месяца, как муж опять работал: была квартира, была еда, хватало на хорошую жизнь. Последние годы они переезжали из страны в страну, в основном в Центральной Европе, где в больших международных компаниях ее муж, как правило, занимал одну из руководящих должностей. Он часто менял работу, потому что с ним непременно что-то случалось. Рядом с ним всегда оказывался человек или люди, которые его не любили. С его точки зрения, его

подсигивали и беспричинно увольняли, часто он увольнялся сам, оказываясь при этом в серьезных долгах. Она знала, что на новом месте, в какой-нибудь новой стране, месяцев шесть-семь, а то и год, можно жить спокойно, но потом все повторится снова.

«Мы уже три месяца в Вене. Совсем скоро, одним прекрасным вечером, он придет с лицом провинившегося школьника и все будет ясно. Господи! Люди годами работают на одном месте, обрастают деньгами, привычками, друзьями, домами, своими вещами. А мы путешествуем от одной катастрофы к другой. Вечно так продолжаться не может. Следующий раз пусть уезжает один, а я останусь здесь. Мне нравится этот город».

Муж женщины был иностранцем. Или она была иностранкой. Они не удосужились выучить родные языки своих национальностей и разговаривали на третьем языке, которым оба свободно владели. Они молчали на нем, ругались и делали покупки.

«Если я решусь и уйду, будет только лучше», - продолжала рассуждать про себя женщина. «Он не будет меня удерживать. Он устал от того, что я знаю, что он – неудачник. Ему стыдно, ему надоело стыдиться самого себя. Он мучается и, конечно, меня отпустит».

Почти утвердившись в своем желании уйти, она, тем не менее, понятия не имела, куда же ей уйти. К сыну она идти не хотела. У него своя семья, он пока еще счастлив, она не желала становиться обузой. И приживалкой. Даже любя и будучи любимой, она превратится в службу, растворившись в молодых и требовательных жизнях. Она боялась, что потеряет свою индивидуальность и дорогие ей вещи. Кроме того, она не могла предстать перед своим сыном проигравшей. Он должен знать или хотя бы думать, что с ней все хорошо.

«Нет, еще рано отдавать себя в полное пользование другим. Я должна найти выход для себя».

Женщина поднялась из-за столика, взяла сумку и коричневый бумажный пакет с книгами. Расплатившись за кофе, она вышла на улицу. Снег перестал. Асфальт был мокрый и холодный. Фиолетовые и желтые крокусы, высаженные в земляные квадраты под окнами кафе, яркими акварельными точками веселили пасмурный день. Женщина остановилась перед клумбой, разглядывая съезжившиеся от холода комочки. Беззащитные, трепетные, живые существа, полные надежды выжить, дождавшись теплых дней. Закрывшись собственными лепестками, они охраняли свое нежное нутро от холода. Ей вдруг захотелось стать одним из крокусов на короткой ножке: затеряться среди них, закрыться лепестками, найдя приют от страха в их одинаковости и множественности. Там, под лепестками, у каждого цветка была теплая фиолетовая или желтая пустота, в которой покойно и уютно дремала его душа, дожидаясь солнца. Женщина представила себя в этой фиолетовой пустоте. Почти то же самое, как если бы укрыться под собственной кожей, чудесным образом обретя свободу от окружающих обстоятельств и людей, присутствующих в них.

Стоять, любуясь крокусами, в надежде превратиться в одного из них, было бесполезно и холодно. Она зашагала к дому. Женщина часто ходила пешком. Иногда брала такси. Никогда не ездила в общественном транспорте – в автобусах и трамваях слишком много людей. Сегодняшний вечер пройдет, как всегда: ужин, бокал вина, разговоры о работе мужа, раздражение и злость на его недалекость и глупость, телевизор и все те же мысли, как покончить с одиночеством вдвоем и как стать совсем одинокой, и где взять денег на это одиночество.

Она боялась остаться без средств и без крова. Такого итога своей жизни она страшилась панически. Нечаянно касаясь во сне своего будущего, она просыпалась среди ночи, остолбеневшая от страха. Немного успокоившись, она благодарила Господа за то, что у нее есть кровать, кусок хлеба и крыша над головой, пусть даже временная. Затем она поворачивалась и долго смотрела на своего спящего мужа. Женщина винила его в том, что на пороге своей старости она осталась без гроша. Стареть именно так – большая неудача. Но что делать, если рядом с ней спал неудачник, а она так надолго задержалась подле него в этой жизни? Винить себя было бесполезно: начав переезжать с ним из страны в страну, работы найти она не могла. Получалось, что она полностью принадлежала обстоятельствам его жизни и зависела от его слабого характера. Очень часто она чувствовала себя заложницей и эта необеспеченная старость, маячившая впереди, была прямо-таки как расстрел на рассвете! Временами ей приходили мысли о том, чтобы уйти в монастырь. У нее будет пропитание, крыша над головой и одиночество. Однако женщина не имела представления о том, что нужно сделать, чтобы поселиться в монастыре. Стать монашкой, пойдя в услужение церкви, она не хотела, ей нужен был только приют. Видя на улицах бездомных, копошащихся в мусорных бачках, она отворачивалась, представляя себя на их месте. Она приходила в ужас от одной мысли о том, что судьба не проявит к ней милосердия, что в один прекрасный день она окажется среди нищеты, из которой никогда не вырвется, потому что будет стара и бессильна.

Ровно через неделю женщина сидела за мраморным столиком в том же, любимом ею, кафе Diglas. За последнюю неделю погода менялась несколько раз: снег становился дождем, а по утрам город укутывал густой туман. Но прошлой ночью подул сильный западный ветер, он расчистил небо от туч, наполнив воздух свежим и далеким запахом моря. Нестерпимо ярко синело небо. Крокусы на клумбах разлапили свои маленькие лепестки под лучами обманчиво-теплого весеннего солнца. Их яркий цвет слегка полинял. Они также утратили красоту той тайны, что хранили в своих разноцветных душах.

У женщины на душе было как в погоде: переменчиво, зыбко и свежо. Она старалась внутренне улыбнуться самой себе и приободриться. Потягивая Реггier из высокого стакана, в котором плавал кусочек лимона – сегодня ей нравилось все свежее и кислое – женщина почему-то думала о новом замужестве. Никто ей руку и сердце не предлагал, но для нее было важно накануне встречи с незнакомым мужчиной, еще раз утвердиться в желании не связывать себя обязательствами.

«Выйдя замуж, я должна буду все начать сначала. Каждодневная жизнь под одной крышей, еженощный сон в одной постели, разговоры о деньгах, готовка, уборка... Нет, я снова потеряю себя. Все это уже было, было, было. Мне нужна свобода. Непривязанность. Необязательность. Безответственность. Хочу расчистить место для себя. Место, где буду существовать только я, мои мысли и мои минимальные запросы. Это место внутри и снаружи называется свободой. Любой мужчина прекрасно понял бы меня. Они озабочены этой самой свободой чуть не с пеленок. Поэтому они так необязательны по отношению к нам, женщинам. Женщины же, напротив, стараются избавиться от своей свободы с такой же настойчивостью, с какой мужчины охраняют свою. Женщине надо любить, принадлежать, растворяться в чувствах. То есть не существовать отдельно. Как дерево в степи. Одинокое дерево в степи это – страшно, это

мужская доля. Неужели я такая сильная?» - удивилась женщина. Она откусила от дольки лимона и пережевывала горькую корочку.

Женщина также хотела освободиться от неприятных чувств, которые она нашла в замужестве. Непонятно почему, она была нежеланна. Нежелание ее мужа заниматься с ней любовью обижало женщину, делало ее неуверенной. Ей казалось, что, выходя из дому, против своей воли, она смотрит на всех мужчин с вождедением. Догадываясь о том, что все еще красива, она на людях держалась скованно, как будто пыталась спрятать свое увечье. Было время, она помогала мужу советами, требуя от него решительности и результатов. Ей никогда не приходило в голову продемонстрировать себя мужу другой – слабой, зависимой и немного глупой. Она никогда не пробовала дать ему шанс почувствовать себя единственным сильным среди них двоих, потому что знала – ее попытки принизить себя ни к чему не приведут. Он даже не догадывался о ее страхах, считая ее сильной, уравновешенной женщиной. Как он представлял себе их совместную старость? Об этом, как и о многом другом, он был не способен думать. Его неспособность размышлять, используя опыт предыдущих лет своей разумной жизни, потрясала. «Он обманул мои ожидания. Впрочем, он даже не старается заглядывать свою вину. Он ее просто не понимает. Но что же он хочет?» - спрашивала она себя. Ей было невдомек, что муж избегал ее из-за того, что ему было неловко и страшно приблизиться к ней. Сознавая свою несостоятельность как главы семьи и кормильца, он, тем не менее, ленился или просто не мог стать другим. Он не любил женщину, потому что он не любил ее никогда. Он был не способен любить, как был не способен размышлять, хорошо работать и доводить начатые дела до конца.

Вернувшись в мыслях к так желанному ею одиночеству, она вновь вспомнила о том, что одиночество требует денег, а благополучное замужество иногда приносит материальную свободу. Хотя, одновременно, и разного вида стеснения – эмоциональные и психологические, физические и духовные. «Не хочешь, не хочешь быть рабой! Не хочешь стеснять себя, значит, будь самостоятельной, добывай деньги сама. Но как? Откуда? Ну, допустим, откуда-нибудь. Что же я буду делать со своею свободой?» Женщина задумалась. Она смотрела, как со дна стакана поднимаются пузырьки и лопаются на поверхности. Пузырьки, осевшие на толстых стенках стакана, напротив, оказались невредимы. «Прицепиться к кому-нибудь. Без обязательств. И заполнить свою свободу до конца дней своих собою. Любовью к себе. Мой муж так живет постоянно».

Женщина читала мемуары Симоны де Бевуар, книгу, купленную неделю назад. «Принадлежать, как она, гениальности Сартра, а не глупости моего мужа. Неужели я завидую?» Симона принадлежала Сартру, она растворялась в нем. Она не желала свободы. Она была свободной, предлагая себя постоянно, без перерывов, без злости, без разочарования. *But nobody claimed her!* Все мужчины в ее жизни жили своей жизнью. Ее, видимо, это устраивало или она предпочитала думать, что это ее устраивало. Приходя к очередному мужчине, он приводила тень Сартра с собой. Господи, как они могли заниматься с нею любовью? Ее лицо не слишком отличалось женственностью. Лицо преждевременно постаревшей домохозяйки. Она часто с гордостью повторяла фразу: «Мы, интеллектуалы...». Она была интеллектуалкой, не погрязшей в материнстве, не умевшей готовить, не свившей гнезда. Умственная деятельность, не приправленная толикой женственности, делает лицо сухим и невыразительным. Такие женщины все скопом похожи на Вольтера с его тонкими губами и хитрой улыбкой. За этой улыбкой прячется обширный ум, но отсутствует тайна любви. Мужчину гениальный ум возвышает, женщину упрощает. Было бы лучше, если

бы она так же часто повторяла: «Я – женщина». В этой простой фразе есть бесстрашие и вызов, нечто интригующее и живительное. Для тех, кто понимает, конечно. Так вот, без Симоны могли обходиться. Сартр в том числе. Непонятно, как в нее мог влюбиться Ланцман, который был на семнадцать лет моложе ее? Но, видно, особой страсти там не было. Не было сочной мякоти любви. Даже имея молодого любовника, Симона де Бевуар ужасно боялась старости и смерти. Вот где кроется загадка! Она, не в пример женщине, была обеспечена. Чего же бояться? Она боялась физического старения и акта смерти. Она считала годы и рассматривала свое стареющее лицо в зеркале. Ее обнаженный страх доканывал ее, будил по ночам, заставлял проводить целые недели в подавленном состоянии. Она страдала депрессиями. Этот страх принадлежал одинокой, или, лучше сказать, невостребованной интеллектуалке, и поэтому, был закономерен. Казалось бы, черт с ним, с лицом, ведь она продолжала владеть несметным богатством – умом или интеллектом, которым так гордилась всю жизнь. Но, видимо, ума оказалось недостаточно. Поклоняясь гениальности Сартра, принимая без колебаний его политические убеждения, сомнения, депрессии и настроения, Симона чем-то явно обделила себя. Вероятно, она обделила себя своей собственной жизнью, а, оглянувшись, вдруг увидела себя сорокалетней, потом пятидесятилетней и впала в отчаяние, узрев конец принесенной в жертву жизни.

Смерти? Женщина боялась смерти отдаленно, как мы все боимся, но еще не думала о ней. Дорога к смерти не была для нее ни пустой, ни ясной. На этой дороге громоздилось устрашающее препятствие в виде старости без гроша в кармане. Именно эта необеспеченная и поэтому проклятая старость занимала все ее мысли, не давая страху смерти подобраться близко к ее сердцу. Она старалась найти возможность жить одной, не служа ничьей гениальности или глупости.

На ее столике в узком хрустальном бокале стояла веточка цветущего миндаля. Неожиданно несколько розовых лепестков упали на серый мрамор столика. Женщина услышала еле различимый приглушенный стук, лепестки расстались с цветком, расстались с жизнью. На внутренних стенках стакана по-прежнему крепились пузырьки, они даже стали толще. Вещи, вода, пузырьки, цветы жили своей собственной жизнью. Женщина подумала: «Я существую в их жизнях или они в моей? Кто или что важнее? Пузырьки, опавший лепесток или я? Только человек имеет наглость думать, что он что-то значит. Лепесток упал и умер перед моими глазами, моя же смерть для вещей останется незаметной, а эта мраморная крышка от столика, переживет меня на несколько столетий». Было много несправедливости в этой жизни. Ей, проведшей всю жизнь в заботах и страхе, неоткуда взять денег на одинокую, обеспеченную старость. А на другом конце планеты, в выдуманном мире, так называемые звезды за одну роль получают столько денег, что хватило бы и ей, и ее детям, и ее внукам и правнукам. «Деньги изменили наш мир. Перенаселенная планета платит за полуторачасовые выдумки и иллюзии. Люди не слушают, они смотрят. Все абсолютно неправдоподобно и безумному человечеству нравится. Им нравится не потому, что они сошли с ума, а потому, что они без ума. Они не думают, они удивляются. А мне кажется, что мой ум изнасиловали. Но, я сама виновата. Оставим яростное чувство справедливости Сартру. Бедный, он никак не мог примирить свое буржуазное происхождение и образ жизни, который вел, с коммунистическими идеалами. Мне надо подумать о своей жизни и о деньгах».

Женщина нетерпеливо отодвинула стакан и встала из-за столика. Подняв глаза, она увидела привлекательного мужчину, с которым неделю назад договорилась о встрече. Облокотившись о стену, обшитую панелями из

почерневшего дуба, он наблюдал за ней, внимательно рассматривая ее лицо. Одет он был по-спортивно, но дорого и со вкусом. Его глаза смеялись, он подметил непосредственность в женщине – она слишком громко думала на глазах у всех. Он подхватил ее под руку и энергично вывел из кафе. Энергично и молча. Женщине понравилась его решительность и веселость. У тротуара была припаркована последняя модель Фольксваген-жука с откидным верхом. Машина была темно-синего цвета. Таким бывает глубокое ночное небо в начале весны. Мужчина открыл дверцу и усадил женщину на переднее сидение.

- Как вас зовут? – он включил зажигание.
- Меня назвали именем, которое мне не нравится. Ольга.
- Вы...
- Да, именно оттуда. Из этих многострадальных славянских земель.
- Обидеть славянку то же самое, что ранить певчую птицу.
- Вы – поэт? И почему вдруг «обидеть»?
- Не бойтесь. Мне всегда казалось, что славянские женщины – особая

порода: нежные, но, в тоже время, сильные духом. Душа и тело у них грациозные.

- Всякие бывают.
- Знаете, мне тоже не нравится ваше имя. Напоминает Чеховских «Сестер». Все чего-то ждали и искали душой, как слепыми щупальцами, и не могли найти, бедные. Не то время было виногато, не то они сами. Ненужные женщины.

- Неужели читали? – удивилась женщина.
- Читал, но мало что понял.
- Не мудрено. Чехов – это очень по-русски. Когда бы ни жить, всегда

жалеть, что живешь не в то время, что твое время уже прошло или еще не настало. Отсюда знаменитая русская тоска. И пьянство. Но я не русская.

- Не важно. Вы все там живете на своей земле испокон веков, было время культурой обрасти. А, нам, переселенцам, двести лет тому назад не до того было, надо было земли новые осваивать.

Женщина уже давно догадалась о том, что он – американец. Поэтому она с издевкой поинтересовалась:

- Так в привычку вошло, что до сих пор осваиваете?

Мужчина промолчал. Ему не хотелось ссориться в самом начале знакомства. Доказывать что-то тоже не стоило – он не знал женщину, может быть, она не стоила того, чтобы перед ней оправдывать желание своей супердержавы изменить мир к лучшему. Ольга поняла, почему он молчит и решила вернуть разговор к его началу.

- Что же нам делать? Оставаться мне безымянной? Или придумаем мне имя, как кошке?

- Мне хотелось бы вас звать Лютеция.

- Что означает это слово?

- Желто-золотой или глиняный. Последнее можно опустить, а вот желто-золотой оставить. Ваши волосы именно такого цвета. Лютеция – так называли Париж в старину. Вы не были в Париже?

- Нет.

- Хотите, махнем?

Женщине нравилось ее новое имя. Ее воображение вспыхнуло представлением о необычайной красоте цветке на высоком и сильном стебле, с крепким бутонем, похожим на бутон ириса. Запах – чуть уловимый, тонкий, волнующий. Аромат, пробуждающий счастье. Лютеция должна расти в закрытых зимних садах под стеклянными куполами. Лютеция, как райская птица, редкий цветок, которому нужен уход и забота. Может, и он так думал?

- Давайте сначала покончим с экскурсией.
- «Она фригидна», - подумал мужчина.
- «Если мне что-то начало нравиться в нем, надо бежать», - пронеслось в голове у женщины.
- Знаете, есть такой цветок в наших краях, лютик называется. Маленький, на коротенькой ножке, с ярко-желтыми, блестящими лепестками. Наивный и донельзя простой цветочек, - решила прощупать почву женщина.
- Нет, нет, это – не вы. Мы придумали вам имя, теперь мы придумаем вам цветок. Что-нибудь эдакое на длинном стебле, - мужчина покосился на ее ноги, - с прекрасным золотистым соцветием и сильным ароматом. Лютеция, одним словом. Шаг за шагом мы будем создавать вас и ваше будущее, которое пока что не имеет лица.
- Вы слишком смелы. Это даже наглость какая-то. Вы хотите участвовать в моем будущем, даже не спросив меня, есть ли для вас там место! Оставим мое будущее в покое. Поговорим лучше о вашем имени. Вы как-то избегаете его назвать.
- Друзья зовут меня Телец.
- И все?
- Мое настоящее имя ничего не значит и ничего не отображает: ни моих мыслей, ни моих привычек, ни моего характера. Оно не совпадает с моей внешностью. Ни я, ни мои предки не сделали его знаменитым.
- А Телец? Смешно, право. Какое странное название.
- Это не название, мадам, я не вещь. Это – имя и я сросся с ним.
- Извините. Это как в зодиаке? Сильный, упрямый, но романтичный?
- Еще добрый. Я люблю себя таким.
- Не могу поверить, что такой набор оставлял женщин равнодушными.
- Были, были женщины. Я прожил много жизней с ними. Не все женщины были любимыми. Теперь мне хочется прожить еще одну жизнь. С вами. Ведь еще не поздно, верно?
- Я мечтаю об одиночестве. Очень хочу прожить остаток своей жизни одна. С кошкой.
- Зачем вам одиночество? Ведь с ним надо что-то делать?
- «Во мне еще не совсем укрепилась старость», - подумала женщина.
- Возможно, напишу книгу о своем детстве.
- Оно было чем-то примечательно?
- Каждое детство примечательно своей тайной. Ни один ребенок не знает, каким вырастит и во что превратится его взрослая жизнь. Покопавшись в собственной жизни, можно нащупать пару-тройку небольших преступлений, корнями уходящих в неосознанное детство. Все равно, что написать детектив.
- Кроме преступлений, что еще было в вашем детстве? Вас любили?
- Любили. Во взрослой жизни с любовью не сложилось.
- Мне кажется, вас любили всю жизнь. Вы замужем. Наверняка, были романы. Уверен, вас любили. Только вам не нравились эти любви. Знаете, в чем одно из обиднейших противоречий нашей жизни? Нас редко любят так, как мы хотим. И случается это потому, что человек, который нас любит, другой человек, не похожий на нас, только и всего. Он предлагает нам свой вариант любви, который почти никогда не совпадает с нашим представлением о том, как нас должны любить. Мы страдаем. Вы – страстная женщина?
- Я не помню. Мой муж мне не напоминает, а я одна с этой задачей не справляюсь.
- Вы – верующая?

- Глубоко.
- Ах, да. Вы ведь обделены любовью.
- Я люблю и любима сыном и кошкой. И Господом.
- Откуда вы знаете?
- Про сына или про Господа?
- Про Господа и про кошку. Насколько я знаю, они не очень разговорчивы.
- Вы, конечно, неверующий, - разозлилась женщина. - Мне кажется все

Тельцы – воинствующие атеисты.

- Я – американец, – с вызовом провозгласил Телец.

Машина остановилась. Телец вышел, открыл дверцу и протянул женщине руку. Помогая ей выйти, он притянул ее к себе. Крепко, но нежно, как стебель цветка, он обхватил ее стан. Он заглянул ей в глаза. Оба хотели одного – поцелуя. Но Телец отпустил Лютецию. Разжав объятия, он взял ее за руку и повел в православный собор неподалеку. В огороженном садике росли кусты сирени, на которых набухли тугие зеленые почки.

- Что это за место?
- Любимое. Каждую весну я люблюсь здесь сиренью.

Собор Св. Николая был величественно прекрасен внутри. Четыре колонны из крапчатого красного гранита поддерживали его старое, но прекрасно сохранившееся тело. Женщина думала о церквях как о людях, они того заслуживали, вернее, как о совокупности людского гения. Ей казалось, что на фресках и иконах, сквозь изображения святых проглядывают групповые портреты людей, строивших этот собор и просто живших в те далекие времена. На стенах сохранились фрески. Их создали венецианские мастера по рисункам Федора Бруни. Некоторые иконы были написаны им самим. Незнакомые фигуры в пол-лица, в полфигуры, стояли, смотрели, что-то когда-то значили. Их могла бы оживить история, рассказанная Тельцом.

- Что-нибудь кроме сирени? Почему именно этот собор? Из-за меня?

Приготовившись слушать, женщина присела на небольшой каменный парапет. Телец замешкался, но тут же стал бодро делиться своими знаниями:

- Этот собор – пяти-купольное строение, с главным куполом в центре, с меньшими куполами вокруг. Купола покрыты медными листами и венчаются золотыми крестами. Соборная звонница состоит из девяти колоколов. Самый большой, весом 1200 килограмм, был подарен русскими солдатами после освобождения Вены в 1945-ом.

- Вы прекрасно подготовились, - рассмеялась женщина.

Она была слегка разочарована. Зачем он так навязчив со всем этим русским? Видно, заранее подготовился, выучив российский вариант. Или они все для этого американца русские? Ей хотелось совсем другого – легенд, сказаний, полуистлевших историй, что ли. Того, что скрыто, но что является настоящей жизнью собора. Она подумала, что Телец, вероятно, недостаточно культурен для того, чтобы знать тайны церквей – старых, восстановленных или все еще разрушенных. Он не был европейцем, чтобы знать, чтобы суметь распознать, чем дышат и чем живут старые церкви и соборы.

- Этот собор слишком стремится ввысь, - сама не зная зачем, сказала она.

Женщина видела много разрушенных и забытых церквей за свою жизнь. В ее краю они не были редкостью. Почему они оказались здесь? Из-за просыпающихся кустов сирени, или Телец хотел заставить Лютецию говорить? Она заговорила:

- Послушайте, вы спрашивали про Бога и про любовь. Любовь не имеет к Богу никакого отношения. Божья любовь к каждому в отдельности и ко всей

пастве одновременно, не более, чем выдумка церкви. Она торгует божьей любовью в обмен на звонкую монету. Бог, конечно, не любит меня и не должен любить. Он просто не знает меня. Любовь, или нет, не правильно, нужда в нем, должна исходить от меня. Вы знаете, все знают, но редко кто сознается в том, что когда нам хорошо, мы Бога не вспоминаем. Мы вспоминаем о нем, протягивая к нему руки в молитве, когда нам плохо. Это – наша потребность, в минуты отчаяния или страха не оставаться одним. Люди, окружающие нас, нам не нужны. Они кажутся суетными и мелкими. По-настоящему веруют в Бога одинокие сердца, знаете ли, такие одинокие волки. Когда наступает их время горевать, они запираются в своем одиночестве, избавляются от людей, отсекают от себя окружающий мир и черпают силы в Боге. Они разговаривают с ним, без стеснения проливая свое горе к его стопам, они добиваются того, чтобы он их услышал и как-то помог. Удивительно то, что он помогает. Любит ли при этом? Не думаю. Сочувствует? Да. Он сочувствует и помогает. Его помощь льется, как свет, что несет в себе некое знание, становящееся успокоением. Оно входит в наш мозг и наше тело. Та причина, что вызвала горе, отчаяние или страх, возможно, не исчезнет сразу и, поэтому, кажется, что чуда не произошло. Но чудо в другом: мы вдруг понимаем, что можем пережить горе, что можем справиться с обстоятельствами, что можем побороть страх, что мы вдруг понимаем, что надо делать. А, главное, что мы снова можем переносить людей и жить в предстоящих нам днях и ночах. Не нужно ни сходить с ума, ни заканчивать счеты с жизнью. После разговора с Богом хочется снова жить.

- Это, моя загадочная Лютеция, называется на простом, нашем языке, выплакаться. Никто, с Ноевых времен, голоса Бога не слышал. Сила нашего собственного разума заставляет нас справиться с горем. А люди? Они действительно в такую минуту не нужны. Наш разум делает все за них. Он не повторяет глупые или банальные слова, которые непременно говорили бы люди. Наш разум делает именно то, что мы от него ожидаем. Он – как редкий любовник, который любит нас именно так, как нам того хочется.

«Такому вообще ничья помощь не нужна, - подумала женщина. – Он сам почти что Бог. Представитель высшей расы – американец. Новый римлянин».

- Напротив, - вслух сказала она, - в минуты отчаяния разум молчит, становясь немым свидетелем нашего горя. Из-за химического состава горя, разум на какое-то время перестает функционировать. Если удастся достучаться, проникнуть, расчистить путь, если хватит на это сил – чувствуешь присутствие Бога. Абсолютно точно ощущаешь, что с тобой что-то происходит извне, что ты меняешься, успокаиваешься. Ты засыпаешь и просыпаешься уже без страха, уверенная, что выживешь. Я знаю всего лишь одну коротенькую молитву. Думаю, что все это чепуха: молитвы с определенными, написанными заранее словами, обязательные посты, крестные ходы, службы, священники. Разговаривать с Богом можно и нужно своими словами. Не надо только обвинять его в том, в чем он не повинен. Он не может освободить нас от болезней, в наших болезнях повинны особенности нашего биологического тела. Мы так устроены. Мы болеем, стареем и умираем. Как все на нашей планете – растения и животные. Если в нашем теле вдруг бесконтрольно начинают размножаться клетки, что означает рак и практически неминуемую смерть, это не значит, что Бог нас наказал за что-то. Он не ведает об этой нашей болезни и, конечно, не может помочь. Если засыхает цветок, вы же не обвиняете в этом Бога. Вы просто выбрасываете засохший цветок. Точно так же и человеческое тело: если оно не поражено болезнью, мы, скорей всего, доживем до старости и просто засохнем. Вы скажете, Бог создал нас. Не он нас создал, вернее, не тот Бог, которого мы

знаем, создал нас, но об этом в другой раз. Наш Бог не принадлежит только нам, землянам. Он не повинен в безвременных смертях. В них повинны мы сами, мы сами выдумали оружие, ядерные бомбы, автомобили, самолеты и синтетическую еду. Сумасшедшие коровы и гриппующие куры тоже наших рук дело. Бог связан только с нашим духом. В тяжелую минуту он может укрепить его. В момент смерти он забирает его. Больше ничего. Со всем остальным человек должен справляться сам, для этого и рождается на белый свет.

- Да, немного для такой грандиозной вещи, как вера. Но интересно то, что вы проповедуете общение с Богом напрямую, своими словами, так сказать. А что же церковь, священники, проповедники разных мастей?

- А, ну их совсем! Они сотворили Бога для нас, чтобы сотворить себя. Думаю, что суть христианства выражается в двух понятиях: Бог есть в каждом человеке, как и каждый человек в Боге. Попы же проповедуют свое собственное христианство, в котором человек является исключительно грешником, которого нужно спасать через унижение и уничтожение. Церковь на протяжении веков сил не жалела для того, чтобы представить человека как грязного, мелкого, грешного раба. Она запугивала нас и сжигала на кострах тех, кто стремился к знаниям. Она научила нас стыдиться своего тела. Человек же рождается свободным. Наша душа, полученная от Бога, или Дух, принадлежит царству свободы. Мы не рождаемся ни заведомо рабами, ни даже гражданами или подданными. Мы рождаемся свободными. Но государствам такой вариант христианства не подходил, любой правитель всегда хотел властвовать не над свободными индивидуумами, а над толпой запуганных рабов. Церковь же на протяжении всей своей истории служила тому самому Кесарю, который и является властью. И до сих пор изгибается перед властью, а к Богу уже давно спиной поворотилась. Именно так и слились в едином порыве два царства – царство Духа и царство Кесаря. Кто сейчас еще помнит или просто понимает одну простую истину о том, что от Бога происходит лишь свобода, а не власть? Из сознания народов власть и церковь стерли понимание того, что свобода не даруется извне, что свобода – это то, что происходит изнутри каждого из нас, из духа.

- Никак не пойму. Вы не то романтик, не то идеалист. Как будто не от мира сего. Книг начитались? Посмотрите вокруг. Какая власть, какая церковь? Какая свобода Духа? Всех давно объединили и породнили деньги и только деньги!

- Деньги, говорите? Да в том-то и дело, что, проиграв в главном, святые отцы прекрасно организовались за прошедшие столетия. Финансово и идеологически. Мне бы хотелось, чтобы этот богатейший и насквозь лживый институт, под названием церковь, самораспустился. Но какой там! Под его крышей кормятся сотни тысяч бездельников. Люди, толпящиеся в церкви, никогда с Богом не разговаривали. Они целуют кресты и пухлые руки священников. И это называется верой?! Они не умеют верить, не знают, как. Голоса Бога уже давно никто не слышал, а попы вере не учат. Не будем сейчас разбирать все обязанности и функции такой профессии, как священник, но почему они вдруг воображают и нарекают себя посланниками или еще лучше, заместителями Бога на земле? У них прав от Господа на такое заявление не больше, чем у меня, а может, и меньше. За что им руки-то целовать? Говорят, что целование рук, как крашение яиц – традиция. Глупости! Целование рук – это акт почитания и смирения. Но перед кем? Уже давно ни сама церковь не является авторитетом, ни ее служители. Попы – самозванцы, бездельники, размножаются как грызуны под священными сводами. В миру трудиться надо, а так, принес присягу Богу и живи сытно до старости. Пенсия обеспечена. А от ничегонеделания на все греховное тянет. Вы слышали, наверное, о сексуальных

скандалах в католической церкви? В Ирландии скандал начался с того, что были опубликованы государственные отчеты, касающиеся сексуальных домогательств в школах и сиротских домах. Подсчитали, что с 1940-го года, более ста ирландских священников надругались над детьми. В Германии, в элитном иезуитском колледже, было зарегистрировано, по крайней мере, 50 случаев сексуальных домогательств со стороны святых отцов. Вот уж поистине «возлюбил ближнего своего, как самого себя». Стоит только переименовать «как» на «для» и все встанет на свои места. А ведь так повсюду. Знаете, что священники на все это говорят? «Люди не отвернулись от религии, они отвернулись от некоторых аспектов религии». Посмотришь на них, особенно когда собираются вместе – рясы, кресты, животы и бороды на животах. Кто из них имеет хоть отдаленное понятие о Боге? Кто из них с ним разговаривал? Как же не отвернуться от них? Срам, а не попы!

- Остановитесь! – мужчина рассмеялся. – Вы мне напоминаете инквизитора, выступающего с обвинениями на казни еретика. Только все с точностью наоборот. Вы обвиняете церковь в неверии!

- Они верят в себя и свое процветание. Они верят в свою паству и в то, что эта паства, своим разумом напоминающая овец, так никогда и не догадается разделить церковь и Бога.

- Так что же, опять соборы громить? – Телец смотрел на женщину с сомнением. Он не любил пустых и бесполезных речей.

- Не говорите глупостей, я еще застала коммунизм. Нет, строения тут ни при чем. Они - лучшее, что пробудила вера в человечестве. Это – красота, это – выражение человеческого духа, желавшего угодить Богу, а Бог, в свою очередь, благословлял этот дух талантом. Это как раз то, о чем я говорила – желание отдельного человека, гения, уподобиться Богу. Нет, не надо ничего громить, тем более, что сейчас такой красоты уже не строят. Оставим соборы и иконы на месте, но уберем институт церкви, этого обманщика, эту надстройку над истинной верой. Вера – это нечто такое, что не нуждается ни в посредниках, ни в начальниках. Вере не нужен глава. Оставим соборы, костелы, мечети, синагоги, храмы и церкви как уют или убежище, куда человек может прийти помолиться своему Богу. Пусть в этой церкви будет один священник, скромный и душевный мальчик, без золотых крестов в несколько рядов на животе, который объяснит, успокоит и поддержит. Он возвратит людей Богу, вспомнив, что настоящее служение Богу включает, прежде всего, служение людям. Быть священником в храме – нелегкое дело, требующее отрешения от мирских соблазнов, великого смирения и терпимости. Такие священники будут настоящими проводниками, искренними и надежными. Они с самого начала будут знать, что, выбирая служение Богу и людям, они дают обет на верность тяжелой, полной лишений жизни. Конечно, они должны быть высокообразованными людьми, и, опираясь на знания, не потакать ни человеческой слабости, ни глупости, ни суевериям. А то, что происходит сейчас в этих транснациональных корпорациях, которые возглавляют Святые Отцы разных мастей, сплошной цинизм.

Женщина помолчала, а потом добавила:

- Знаете, есть много путей к Богу, и церковь не обязательно один из них.

Телец, наконец, решил принять участие в разговоре о Боге довольно продолжительным монологом. Видно, ему тоже было не все понятно в двухвековой истории человеческой веры.

- Раз уж речь зашла об этом... Я – неверующий, но порой думаю о том мифе, на который опирается церковь. Мне не понятна вся эта история с Иисусом Христом. Ученые не прекращают спорить, где он родился, в Вифлееме или в

Назарете. До тридцати трех лет о нем не много было известно. Потом он появляется среди людей, объявляя себя Божьим сыном, с помощью нескольких чудес привлекает к себе внимание. У него появляются последователи и ученики. Его притязания на родство с Богом приводит в бешенство иудейских священников, которые обвиняют его в мошенничестве. Его хватают, римский наместник сомневается, казнить его или нет. Его казнят вместе с ворами. Через два дня его тела не находят и его имя взрывается бессмертием. Оказывается, он вознесся, увековечившись на небесах. Все. Он взял на себя грехи наши, вымолив у отца своего наше прощение. Погибель человечества была отсрочена. Зря, мы этого не заслужили. Даже тогда, две тысячи лет тому назад, а теперь-то уж и подавно. Но, не в этом дело. Его судили смертные, его приговорили к казни смертные. А если бы его помиловали? Наше спасение не состоялось бы? После его казни, кто-то подхватил его имя как идею, сотворив миф на все века и для многих народов. Этот миф стал гарантией процветания для церкви, введя ее во власть.

- Богоявленность и божественность Христа – создание людских умов, - ответила Лютеция. – Я вот думаю: Господь Бог, посылая своего сына на землю, знал, чем он собирается заниматься на этой земле? Его сын проповедовал смирение и любовь среди тех, кого сотворил его отец. Задача была не просто трудной, но заведомо невыполнимой. Бог-отец прекрасно же понимал, какое грешное и алчное существо он создал. Он что же, послал своего сына проповедями и чудесами исправить свои собственные ошибки? Урезонить человека? Рассказать ему про любовь? А так как миссия не удалась, сыну потребовалось взять человеческие грехи на себя, и за это быть распятым в расцвете лет, оказавшись жертвой предательства. Или наоборот: его участь была предрешена, ему на роду было написано быть распятым и вознестись в обитель к своему отцу, а, чтобы казнь Христа отпечаталась в веках, умах и душах, чтобы чудо вознесение не пропало даром, ему вменили искупить грехи наши. Но какой отец захочет смерти своего сына? Кому она вообще была нужна? Что она на самом деле искупила? Мы лучше не стали. Не проще было бы изменить нас, людей? Или с самого начала отцу сделать нас другими, такими, как того хотел и как то проповедовал его сын? Где логика в этой церковной сказке? Христос – миф наш, людской. Возможно, такой человек был и жил, и умер. Был смертным, был одним из нас. Но, подождите. Спрашивается, если он был сыном Божьим, почему на протяжении двадцати веков, он, этот Сын, который жизни своей не пожалел для нас, людей, молчит? Почему не пошлет нам, людям, которых так любил, весточку?

- А почему сам Бог, его Отец молчит? Почему не смутит Землю новым посланником, своим другим сыном или, на этот раз, дочерью? Почему так надолго забыл нас?

- Не знаю, - ответила женщина. Может быть, мы скоро услышим его голос. Вполне возможно, что настоящий Бог – это Разум, регулирующий жизнь во Вселенной. Возможно, мы уже у самого края. Иногда я думаю, что человечество должно исчерпать себя. Свои гадости, лицемерие, грязь и вонь. Но Бог существует, существует! Иногда я чувствую, что Бог раскрывает мне свои объятия. Раскрывается мир, отодвигается горизонт. Появляются варианты бытия, а, главное, выбор. Вот этот выбор и есть Бог. Когда выбирать не из чего, тогда все, мышеловка захлопнута, тогда плохо. Тогда молиться надо, разговаривать с ним. Если сделаешь правильный выбор из того, что предлагает Господь, шагаешь дальше, уверенная в себе, значит, есть у тебя голова на плечах. Значит, умеешь думать, используя свой опыт и знания. Значит, ты – осторожна и

аккуратна, и не жадна. Если сделала неправильный выбор, но сразу поняла, можешь покаяться и все исправить. Если упорствуешь, снова угодишь в мышеловку. Обязательно что-то случится. Ты будешь наказана. Дверца захлопнется. Нас ведет и с нами играет Великий Разум.

- Вы проповедуете какое-то новое вероисповедание. Очень частное. Очень романтическое. Фантастики читались? Простите.

- Это – не вероисповедание, это – моя жизненная философия. Мне так легче жить.

- Проголодались? – Телец, которому уже изрядно надоел разговор о вечном и божественном, с радостью спустился на землю.

Женщина поежилась и встала с каменной скамьи, на которой сидела. Она продрогла и устала. Ей хотелось выговориться, поделиться тем, что она в одиночку надумала себе о Боге и о жизни. Телец был подходящей кандидатурой для разговора – умный, немного влюбленный незнакомец. Вдобавок ко всему, они, кажется, были похожи.

Выходя из собора, женщина оперлась на его руку.

- Проголодалась. Очень. – Призналась она.

- Тогда поехали кушать.

- А Вену смотреть? Ведь мы не смотрим, а все говорим, говорим.

- Именно так начинаются хорошие знакомства – с говорильни. Поехали кушать суп с мадерой и снова говорить. А Вену еще посмотрим. Она никуда не денется. Столько веков стояла и еще простоит, специально для нас, Лютеция. Похоронит нас, и все стоять будет.

Женщина вздрогнула. Телец был последним человеком, от которого она ожидала, что он, вдруг, упомянет смерть.

- Вам чего-то жаль? – спросила она.

- Да, мне жаль. Пробежали так незаметно несколько часов в вашем обществе. Мне жаль этих часов. Большого вы мне не обещали.

- Сегодня еще будет суп с мадерой, а там посмотрим.

Телец обнял ее и поцеловал. Женщина не противилась. Она думала о том, как хорошо было бы поверить Тельцу. Поверить во время первого, долгого, страстного поцелуя, когда еще ничего не ясно, а все только предвкушается и ожидается. Человеческие отношения давно перестали быть простыми. Простые слова ничего теперь не значат и не ведут ни к лучшей жизни, ни к взаимному пониманию, ни к счастью. Самым милосердным выражением человеческих отношений оказалась война. В мясорубке человеческой бойни смерть часто наступает мгновенно. Дело не в этом. Ужасно то, что люди научились намерено причинять друг другу боль и страдания. Какое еще млекопитающее на Земле умышленно причиняет боль своим сородичам? Человеку мгновенная смерть врага кажется недостаточной. Организация психики, изощренный ум, отсутствие истинной веры и морали, что еще делает человеческое существо таким жестоким? Вы когда-нибудь задумывались о том, что пытки не так страшны для жертвы – часто от боли и страха жертва теряет сознание или рассудок – сколько удовлетворительны для палача? Пытки доставляют наслаждение тому, кто пытается! Женщина на мгновение вспомнила своего мужа. Какая это пытка, мучиться неверием! Проживая каждый день со страхом и отвращением оттого, что не можешь верить тому, кого подпустила так близко к себе, кто спит с тобой в одной постели. А если тонкая льдинка, на которую ступила, решившись последовать за незнакомым человеком, завтра расколется и ты опять окажешься в ледяной воде?

Начало 21-го века, весна, Вена, весенний ветер, свежий и уверенный, первый поцелуй. Когда последний раз можно было верить людям? Сто, тысячу лет тому назад? Никогда? Как Иисусу Христу, который появился, наговорив так много о любви, и бесследно исчез?

Оставили машину на площади Karlsplatz и до ресторана шли пешком. Молчали, слегка смущенные первой близостью. Что делать дальше? Всего неделю назад она сопротивлялась, выставляя напоказ свой ум и независимость. Она была Ольгой, неприступной и немного язвительной. А сегодня она превратилась в Лютецию, цветок на длинном стебле, смягчилась, пригрелась и что же? Не отстаивать себя прежнюю? Похоронить? Слишком легкая победа для Тельца. А, может быть, так и надо? Ведь цель-то у нее другая, да и времени в обрез.

В ресторане сели у окна. Большое, закругленное сверху окно, глядело на узенькую улочку. Напротив неярко сияли витрины дорогих магазинов. Лютеция приласкала их взглядом, сегодня она существовала в обстоятельствах, предполагающих деньги. Их столик заливали потоки солнечных лучей. Официант в длинном фартуке поставил перед ними дымящиеся тарелки с супом. Мясной бульон был приправлен мадерой, в нем плавали кусочки сельдерея и хвостики молодой морковки. Уваренные, нежные ломти мяса подали на отдельном блюде с пюре и тушеной капустой. Лютеция набросилась на еду, она, и правда, была голодна. В ней развязался какой-то узел, она ненадолго перестала бояться жизни. Судорожно выдохнув, она снова вдохнула, втянув в себя аппетитные запахи еды. Солнце и горячий суп с мадейрой согрели ее изнутри и снаружи, ее нос покраснел, лицо расплылось, щеки заалели яркой краской, пальцы набрякли, а глаза заискрились удовольствием. Давно ее не баловали хорошим обедом, а главное, ей приятно было находиться в компании Тельца. Официанты прислушивались к его замечаниям, расторопно выполняли его пожелания и ее капризы, следили за его взглядом. Лютеция подивилась тому, как изысканный сервис может соединять в себе несоединимое – раболепие и достоинство. Но, все это, и обстановка, и официанты и хрустальные люстры, и цветы в кадках, успокаивало. Успокаивало и забавляло.

Ужиная или обедая со своим мужем, что бывало нечасто, она постоянно злилась и кусок застревал у нее в горле. Она не могла получить удовольствие от общества человека, которого так хорошо знала и не любила. Официанты не обращали на него внимания, он не знал, что заказать, никогда не помнил, что ел в этом же ресторане в прошлый раз, понравилось ему или нет. Он не развил в себе ни вкуса, ни привязанностей к хорошим местам и блюдам, будучи поверхностным даже в удовольствиях.

Раскрасневшееся лицо не заставило Лютецию смутиться, она чувствовала себя свободно с Тельцом. Он был ей не нужен, ее жизнь от него не зависела. Она не предлагала и не продавала себя ему. Она не кокетничала с ним. Обстоятельства не понуждали ее к этому. Обстоятельства не создали вокруг них атмосферу рынка, где показываются, присматривая будущую жену или мужа. Она – как это говорят? – не старалась закадрить его. Но, кадрили или нет, они уже начинали танцевать свой собственный сложный танец. На краю пропасти.

За обедом разговаривали ни о чем и обо всем: о детстве, кто откуда родом. Их мозг отдыхал, они вкушали изобильную и вкусную пищу. Кофе решили не пить, оставив на языке пряный вкус мадейры и вязкость уваренного с кореньями мяса.

Вышли. Холодный весенний ветер немного остудил разгоряченные щеки Лютеции. Она поежилась, Телец обнял ее за плечи. На площади появились

художники с яркими, сюрреалистическими полотнами. Веселый ветер трепал развешанные на продажу скатерти, они мигали голубовато-белыми пятнами и переливались разноцветной вышивкой. Впереди Лютеции и Тельца прогуливалась парочка. Двое мужчин были откровенно нежны друг с другом. Телец посмотрел вопросительно на Лютецию.

- Что, ты хочешь знать, что я об этом думаю? – она остановилась и стала рассматривать украшения 60-х и 70-х годов прошлого века, выложенные на раскладном столике. Грубо сработанные, с большими, искусственными камнями, они снова входили в моду. Женщине эти украшения нравились и она мечтала создать из них коллекцию.

- Весь мир что-то думает о гомосексуализме. Кто – за, кто – против. Равнодушных нет.

- А я ни за и ни против. – Лютеция держала кончиками пальцев тяжелые серьги с желтыми камнями. Она понимала, что «камнями», на самом деле, были великолепно ограненные стекляшки, не дающие свету вырваться наружу.

- Я разочарована и немного грустна, - сказала она.

- Обедом или серьгами?

- Гомосексуализм – это наша, женская проблема.

Лютеция купила серьги.

- Этот вид любви существовал всегда, - продолжала она. – Мужчины, но другие. Выродки. Нет, не в обидном, плохом смысле этого слова. Просто другие. Представь себе поле. На нем растут одинаковые цветы. Поле одинаковых цветов. И, вдруг, среди них не такой цветок, как все: и листья другие, и лепестки другие и серединка другого цвета. Что ты делаешь? Ты удивляешься и идешь дальше. Не бежишь к цветку, не выкорчевываешь его с корнем и не рвешь на куски. Ты не становишься агрессивным из-за того, что один цветок нарушает монотонную целостность поля. Нет, ты удивлен и, даже рад, что удивлен. Но, может быть, цветок не совсем удачный пример. Что-нибудь из мира животных. Ничего на ум не приходит. Ах да, у одних моих знакомых была собака не совсем обычной ориентации. Он, кобель огромных размеров, признавал только мужчин. Вернее, они ему нравились. Как только он видел мужчину, он наскакивал на него и производил недвусмысленные телодвижения. Что поделаешь? Но его любили. Он был совершенно равнодушен к женщинам. Странно, казалось бы, кобель, должен был бы наоборот...

- Какой ужас! Лютеция, что кобель наоборот?!

- Не избегай, не избегай трудных разговоров! – женщина весело смеялась во весь голос. – Точно также гомосексуализм, - продолжала она уже серьезно. – Есть настоящий, от которого никуда не деться, но истинных гомосексуалов не много. Другое дело – массовый гомосексуализм нашего времени, который стал одним из проявлений эскапизма. Мужчины убегают из реальности, убегают от нас, женщин. Убегают друг к другу.

- Нет, нет. Мужчине невозможно убежать от своей природы. Настоящего мужчину просто-таки тянет к женщине. Ученые уже доказали, что нету такого гена, как сексуальная ориентация. Или ты гетеросексуал, или выбрал для себя, я подчеркиваю, выбрал сознательно, другой путь.

- Вход, - Лютеция продолжала смеяться. – Но послушай дальше, в конце ты согласишься. Мужчина изменился. Что такое настоящий мужчина? Мужчина – добытчик, охранитель, отец, муж, любовник, защитник. Нет, были, конечно, исключения, и даже множественные, например, в античном мире. Потом церковь положила этому развлечению конец. Однако полвека тому назад, что-то

произошло, что-то кардинально изменилось. Слишком много настоящих мужчин погибло в войнах в двадцатом веке? Генофонд был подпорчен? Матери стали воспитывать сыновей и слишком тряслись над ними? Не знаю, что послужило главной причиной видоизменения *мужчины настоящего*. Для нового мужчины, того, что видоизменился, невозможны ни усилия, которых требует любовь, ни ответственность, что необходима для создания семьи. Надо любить женщину, чтобы жить с ней. Это – трудно. Скучно. Для многих непосильно. Кто из мужчин получает удовольствие оттого, что становится добытчиком? Кто испытывает гордость от этого? Я создал семью, я могу содержать ее, я делаю это ради себя и ради женщины, которую люблю. Усилия, усилия каждый день. Ведь она смотрит, оценивает. Не судит, нет, но оценивает. Он постоянно доказывает, что он – мужчина, достойный ее выбора. Опять же, зачем ему это надо? Потому что он любит ее. Любовь к женщине – это вложение всего себя, преданность, привязанность. Не говоря уже о детях. Гомосексуализм – лазейка. Пронырнув в нее, мужчина оказывается в зазеркалье. В своей среде, среди других мужчин, хорошо одетых, без помех делающих карьеру, умных, с чувством юмора, спортивных, в свободное время играющих не с детьми, а с электронными игрушками. Они испытывают привязанность друг к другу, занимаются любовью, но при этом никаких женщин с их слезами и желанием создать семью, никаких детей, никаких усилий и никакой ответственности. Стерильный и веселый мир.

- Но нельзя же по желанию или из-за страха перед ответственностью изнасиловать свою природу! Нельзя же, вдруг, начать заниматься любовью с мужчиной вместо женщины!

- Если ты постарайся представить себе, обняв своим мысленным взором, всех проституток на нашей планете, женского или мужского пола, а также детей, которые продают себя или которых продают родители для совершения полового акта, а также то, что они все делают, или что с ними делают в постели и вне ее, все эти извращения, то тебе станет ясно, что ни физиологический, ни психологический барьер на пути к новой половой ориентации большой роли не играет. Эти бедолаги меняют ориентацию три раза на день за деньги, так что, что им стоит изменить ее ради удовольствия, любопытства или комфорта? Некоторых, может быть, сдерживает греховность их выбора. Верующих. Но таких немного. Вот уже и некоторые священники во всеуслышание объявили о своих нетрадиционных наклонностях. А ты? Не хочешь попробовать? – женщина усмехнулась.

Она снова вспомнила о том, что хочет одиночества и о том, что не удерживает Тельца. Одиночество ограждает от многих проблем. Тоже, своего рода, стерильный, но не веселый мир.

- Нет, не хочу. Вот тебя встретил.

- Хотя, можно посмотреть на однополую любовь, или точнее, однополую связь, под другим углом. Возможно, однополая связь, как эпидемии, как природные катаклизмы, уносящие человеческие жизни в массовых количествах, используется тем огромным и разумным, в кого мы верим, для регуляции численности населения на нашей планете. Нас стало слишком много, а однополая связь, как засуха, ничего после себя не оставляет. Почему мы разговариваем о сложных вещах?

- Мы узнаем друг друга. Взрослые люди именно так узнают друг друга.

- Иногда взрослые люди начинают с другого конца.

- Мы слишком разумные для этого. И ты, и я с другого конца уже заходили. Не повредит пойти другим путем. Разве что ты...

- Нет, нет. Я – нет. Просто к слову пришлось, - смутилась Лютетия.

- Ты слишком умна и откровенна для домохозяйки, которая не любит рисковать.
- Я не боюсь тебя. Что ты сделаешь? Обвинишь меня в богохульстве? Натравишь церковников? Или посмеешься с друзьями над глупой женщиной и ее такой же глупой философией жизни? Предашь меня?
- Ничего из этого. Просто подумаю, что ты красуешься передо мною. Выпендриваешься, другими словами. Другая бы говорила чуть-чуть, кокетничала бы.
- Ты совершенно чужой человек. Наши отношения не имеют будущего, а, следовательно, не имеют значения. Я могу говорить, что угодно и сколько угодно.
- Неправда. Ты уже привязалась. Привязалась своими же откровениями. Обрела себя, почувствовав во мне родственную душу.
- Не говори банальностей, Телец! Я теперь уже даже и не знаю, что означает родственная душа. Это душа родственника или близкая по духу душа? Я покончила с этими глупостями давным-давно. Прошла наивный этап и очистилась разочарованиями, которые принесли с собой мудрость. Мой муж показался мне до такой степени родственной душой, что я позволила себе выйти за него замуж. Более чужих людей, чем мы сейчас, трудно найти. Мы ненавидим друг друга и не знаем, как избавиться друг от друга.
- «Он показался тебе родственной душой, потому что ты прекрасно его поняла», - подумал Телец. Он был почему-то уверен, что именно на примере своего мужа Лютеция выстроила теорию о массовом исходе в гомосексуализм.
- Что касается моей откровенности, - продолжала женщина, - что ты скажешь, если я признаюсь, что хочу соблазнить тебя словами? Заинтересовать тебя своей откровенностью и ... бросить? Не я привязываюсь к твоей родственной душе, а ты попался в сети, расставленные мною. Мне говорить не трудно, даже в удовольствие, а вот ты слушаешь.
- Мне кажется, я могу полюбить тебя, - сказал Телец.
- А до меня? Не мог или не хотел? Или, наоборот, слишком хотел, но ушибся?
- Фрейд всю жизнь был верен своей жене, несмотря на то, что его пациентки, в приступе безумия или благодарности, постоянно обвивали его шею руками. До сих пор все удивляются его преданности. Я тоже. Если бы он изменил жене, может быть, он лучше узнал бы женщин. Не все проблемы начинаются с того, что в детстве маленькой девочке показалось, что отец смотрит на нее влюбленным взглядом. Все гораздо проще. Женщины лгуньи. Ведь они лгуньи? Почему женщины лгут?
- Мы лжем, чтобы приукрасить собственную жизнь и для того, чтобы угодить вам, мужчинам. Чтобы не разочаровать вас, не обидеть ненароком, чтобы предстать перед вами в более выгодном свете. Женщина, поначалу во всяком случае, хочет скрыть от мужчины, что, например, разведена и что у нее есть ребенок, или что она работает секретаршей и получает нищенскую зарплату, или, что, наоборот, она сделала успешную карьеру и зарабатывает большие деньги, так что мужчина рядом с ней всегда будет выглядеть неудачником, или что она живет с больной матерью в маленькой каморке, за которой ухаживает и которую не может бросить, и поэтому, чтобы днем быть с ней, работает стриптизершей в ночном клубе. Женщина врет, чтобы скрыть, что ей больше лет, чем на самом деле или, что она умнее, или что глупее. Она ищет пару для продолжения рода, а для этого, как ей кажется, все средства хороши. Женщина обрубает все свои выпирающие и выступающие края, чтобы упаковать себя в

удобоваримый для вас, мужчин, сверток, перевязать его розовой ленточкой и, таким образом, преподнести вам себя с бантиком. Это – коллективный портрет наших мам. Наши дочери видят мир по-другому. Почему лгут мужчины?

- Две причины. Из-за страха и ради удовольствия. Мы боимся вас, женщин, боимся сказать вам правду, но, все-таки, не можем отказать себе в удовольствии солгать вам, выставив вас дурами. Но, знаешь, следуя твоей теории о том, что *мужчина настоящий* видоизменился, хочу заметить, что женщины тоже сильно изменились. Они стали, как бы это сказать, чтобы не обидеть вашу сестру ...

- Мясом? – подсказала Лютеция.

- Мясом?!

- Во время войны говорили «пушечное мясо». Так вот, наши дочери превратились в «мясо для секса». Они не умеют любить, не знают, как обращаться с маленькими детьми и не умеют готовить. В то же время, они панически боятся одиночества, то есть периодов, когда в их жизни нет мужчины и секса. Продолжение рода для современной женщины не является больше актуальным, важным представляется соблазнить и удержать вашего брата. Важна не семья, но секс. По этой причине женская особь видоизменилась, утратив отличительные черты, необходимые для детопроизводства, а взамен им приобрела новые – привлекательные для секса. Поэтому все молодые девушки кажутся такими одинаковыми: длинные ноги, узкие бедра, широкая кость, полные губы, маленькие глазки, вздернутые носики. Новая, не изящная, рано созревающая порода!

- Я бы никогда не смог так о мужчинах.

- Оставь это мне. И о мужчинах, и о женщинах.

- Ты злая, Лютеция. Хотя, злая женщина опасна, но гораздо более соблазнительна.

- В тебе говорит азартный охотник. Тебе повезло сегодня. Твоя жертва достойна затраченных тобою умственных усилий и накопленного опыта. Я – вызов твоим недюжинным способностям.

- Если хочешь. Что для тебя важно в отношениях мужчины и женщины?

- Простота. Поэтому я занимаюсь манифестацией собственных взглядов. Я объясняю тебе себя, упрощаю тебе жизнь, охраняю от ошибок. Я также ценю ум. Добрый, подвижный, ироничный ум.

- Как у меня.

- Как у тебя, - смеясь, согласилась женщина.

Подъехали к дому, где жила женщина с мужем. На сегодня было достаточно разговоров. Она устала от новых чувств и впечатлений. Ей надо было разобрать все эти чувства, разложить их по полочкам, на составляющие, посмотреть на них со стороны. Одобрить их или выкинуть. Она должна была вспомнить одна, в тишине и покое, как он улыбается, как он жует и ходит. Женщина должна была удостовериться в том, что ничего в его поведении ее не раздражает и что она снова захочет его увидеть. Лютеция также должна была оценить собственное поведение и пережить легкий стыд оттого, что без умолку болтала.

Выключив зажигание, Телец потянулся к ней, чтобы поцеловать.

- Поцелуй, например, - сказала она. – После первого поцелуя должна быть уверенность во втором поцелуе, и в третьем, и в четвертом. Не должно быть ожидания, гадания, предательства. Первый поцелуй – это как первый шаг по не обетованной земле, где не знаешь, что будет за поворотом, за холмом, в конце пути. И это незнание, невозможность угадать до конца человека, которого впервые целуешь ... Уже в этом заключается предательство.

- О чем ты подумала после того, как я тебя поцеловал?

- Что передо мной разверзается пропасть.
 - Тебе опять нужны гарантии. Чего ты хочешь?
 - Отношений, когда тебя никто не рассматривает, не оценивает и не судит.
 - Любовь, Лютеция, – это когда два человека рассматривают друг друга и им нравится то, что они видят.
 - Любовь, Телец, это – когда два человека слепнут. Ненадолго, конечно. Любовь всегда проходит. Зрение неизбежно возвращается.
 - Ты старая и циничная максималистка.
 - Ты оскорбляешь меня только потому, что у меня есть свое мнение. Ты хочешь доминировать, но кокетничаешь со своим желанием иметь рядом умную женщину. Ты – старый, отвратительный лицемер!
- Лютеция выскочила из машины, выразительно хлопнув дверью.

* * *

ЧАСТЬ 2.

Женщина просыпалась рано. Она лежала в постели, слушая пение птиц. Удивлялась и думала. Удивлялась она птичьему щебетанью. Это было не пение, а бесконечный разговор птиц. Собравшись всем соседством на одном дереве, они щебетали одновременно, и, казалось, что производимые ими звуки были исключительно важны для них. Казалось, что их голоса выходят не наружу, а вливаются вовнутрь, в их маленькие горлышки. Они пьют, думала женщина, звуки из холодного, зыбкого, предрассветного воздуха и, напившись, замолкают. И, правда, с первыми яркими лучами солнца птичье щебетанье смолкало. Птахи разлетались по деревьям, по проводам, по крышам. И уже оттуда, со своих рабочих мест, изредка подавали голоса, звучащие отрывисто и не мелодично. Но этот предрассветный час, ах, этот прекрасный предрассветный час, был наполнен чудесной, нежной музыкой, творимой из воздуха такими прозаическими и беззащитными существами, маленькими теплыми комочками.

Женщина была им благодарна за этот час. Точно так же, как птицы пили свою песню из воздуха, она втягивала в себя обстоятельства из собственной жизни и размышляла. Отношения с Тельцом продолжались. Он нравился ей. Без изъянов внешне и, казалось, внутренне. Его отношение к ней было серьезным и, одновременно, чуть насмешливым. Как раз то, что надо. Телец дарил Лютеции подарки: красивые, дорогие вещицы и украшения, безделушки для дома, вернее, для ее глаз. В апреле, празднуя начало второго месяца их знакомства, он преподнес ей серьги из белого золота с бирюзой. Матовые камни цвета выгоревшего знойного неба, обрамленные ляпис-лазурью и розовыми аметистами, лежали в коробке на букетике из ярко-желтых лютиков. Телец сказал, что цветы собирал сам у подножья замка. Лютеция от подарков не отказывалась, ей было приятно их получать. Она, как мышка зернышки, таскала их домой, в свою норку, и долго рассматривала под светом настольной лампы, примеряла у зеркала, прятала под подушку. Ее душа таяла в такие минуты и приятно ныла. Лютеция чувствовала, что в этой квартире жить ей осталось недолго и, предчувствуя перемены, она заготавливала вещицы для своего одиночества.

Позволяя Тельцу целовать себя, она каждый раз слушая его предположения насчет их совместного будущего. Иногда он даже настаивал. Она не говорила ни «да», ни «нет». В глубине души ей хотелось покориться ему и обстоятельствам, но она не решалась предать свою мечту об обеспеченном одиночестве. Женщина поклялась, что не будет близка с мужчиной только из-за того, что ей того хочется. На этот раз, близость с мужчиной должна иметь смысл, должна заключать в себе будущность. Нет, не ребенка, другого рода будущность. Совместную жизнь. Пусть непривязанность, но все же. Она надеялась, что связь с Тельцом продлится недолго, как и все в ее жизни, и желанное одиночество снова замаячит перед ней. Так зачем же откладывать? Зачем снова терзаться, думая о неизбежном обмане и предательстве, а если не о них, то о разочаровании? Надо будет снова пережить обстоятельства, когда любовь окажется совсем не той, что ожидала, как ненужный, не подходящий твоему вкусу, сюрприз. И неважно, что сюрприз этот был подготовлен другой стороной с тщательностью и старанием. Но, пока, Лютеция жила в своей норке, в безопасности часов и дней, оставшихся ей до выбора. Она нежилась в воспоминаниях о поцелуях на безопасном расстоянии.

Лютеция старалась, также, избегать неразберихи чувств. «Я принимаю его подарки. Что еще нужно мужчине, чтобы поверить в то, что он не безразличен?» Зная, что ум мужчины устроен по-другому, она восхищалась чувствительностью Тельца. Казалось, что он осязал, обонял и чувствовал почти так же, как она. Кроме развитых чувств, у него было кое-что, чего не было у нее – состояние и дом. Лютеция знала, что рано или поздно, он отвезет ее в этот, пока еще незнакомый ей дом, и будет любить ее тело. Она внутренне готовилась к этому, одновременно отвергая и стремясь к близости с ним. Она готовилась переступить черту, за которой уже не будет чувствовать себя в безопасности, где надо будет отстаивать свои права и свои интересы. Как только она разденется, и он начнет покрывать ее тело поцелуями, она будет завоевана. Они поменяются ролями. Лютеция заранее знала, что стоит ей счастливо и удовлетворенно улыбнуться ему со своей подушки, Телец, как и любой другой мужчина, преисполнившись чувством собственной значимости, отпразднует победу, что будет означать окончание периода ухаживания. С этого момента, она должна будет добиваться его внимания ежедневно и ежечасно, доказывая своему завоевателю, что тот не напрасно потратил свой пыл и что она достойна проявленного им интереса. Что она – добыча, которой стоит дорожить, что она не из тех, кого, насытившись, выбрасывают. «Зачем мне это надо?», - именно этой неразберихи чувств, и всего того, что следует за слиянием тел, она старалась избежать. Прекрасно понимая, что живет в мужском мире, где доминируют их правила игры и их философия, женщина старалась защититься своим одиночеством. Она боялась снова, через какое-то время, оказаться нежеланной, ей было лень делать каждодневные усилия, без усталости рекламируя и преподнося себя. Ей хотелось бы навсегда избавиться от человеческих отношений. Она мечтала об оранжерее, где не потревоженными росли бы ее гордость и достоинство. Впрочем, эту оранжерею должен же кто-то содержать!

Появится вина. Перед кем? Перед собой. «Ну, вот, я снова на пути к удовольствию, неразберихе и риску. Связь в моем возрасте всегда выглядит как вина или грех. Винишь себя за то, что жизнь уже не о том, а ты снова не устояла. Легкомысленность. Соскользнув в пропасть отношений, я невольно заставлю менее удачливых и красивых завидовать, меня обвинят в доступности. И, поэтому тоже, я хочу избавиться от человеческих отношений, быть подальше от вечного вопроса: «Что скажут люди?» Чтобы меньше грязи на мою голову. Но кто

меня здесь знает? Здесь я в безопасности. Я всегда была разборчивой. Соглашаясь на связь, а потом на замужество, я старалась продлить его долго, как можно дольше, рассматривая со всех сторон, пробуя, ощущая, заглядывая внутрь, в пустоту. Почти двадцать лет я была замужем. Я – женщина обстоятельная и ленивая», - пришла к заключению Лютеция.

* * *

Он не улыбался ей со своей подушки. Он обнимал ее голову руками и старался как можно крепче прижать ее к себе. Телец любил ее, дорожил ею, не отпускал ее. Лютеция тоже не улыбалась. Ей хотелось просочиться под его кожу, в его тело и никогда оттуда не вылезать. Слиться. Ей не хотелось говорить и продолжать жить. Конец мог настать сейчас и она ни о чем бы не пожалела. Даже об утраченной мечте.

- Ты боялась? – нарушил молчание Телец.
- Боялась?
- Ну, сомневалась?
- Я больше не любопытна. И немного уверена в себе. Что могло случиться? Самое худшее уже случилось, мы – не молоды.
- Но держимся еще молодцами.
- Что означает молодость? Кожа, тело, здоровье, силы? – спросила Лютеция.
- Молодость означает глупость и нехватку материальных ресурсов. С точки зрения твоего сына мы – пожилые, с нашей точки зрения – мы в полном порядке. Дыры залатаны, старость хоть и маячит, но достигнет нас, как минимум, лет через двадцать, двадцать пять.
- Напоминает теорию относительности: мы в поезде, который движется навстречу постоянно удаляющейся старости. Как и все в теории Эйнштейна, наши ощущения субъективны и никому не понятны. Я никогда не могла до конца понять теорию относительности. Вероятно, женщинам не дано. Имеет ли она какое-то практическое значение или понимать ее просто модно?
- Уйма практического значения. Например, ты только что поняла, что старость тебе не грозит.
- Да, в относительном мире моего сумасшествия. Моя жизнь абсолютно пуста, - зачем-то добавила она.
- Не жалуйся. Я только что вошел в тебя, то есть в твою жизнь. Тебе мало?
- Не знаю. Еще не решила.
- Опять не веришь? Думаешь, завтра я брошу тебя? Не брошу. Я люблю тебя, думаю, я тоже тебе не безразличен. Я упрям и романтичен. Так что, будет и третий, и четвертый поцелуй. И даст Бог, весь остаток нашей с тобой жизни целоваться будем. Только не надо благодарности. Ничего не доказывай мне. Оставайся самой собой – умной, капризной, откровенной, страстной, доверяющей мне, женщиной. А если тебе нужно еще что-то, кроме меня, так ведь всегда есть, чем занять себя. Встань на путь благотворительности, отдай себя людям! Лишь бы не заскучала.
- Спасение человечества не представляется мне необходимым занятием. Человечество того не стоит. Чем скорее настанет конец, тем лучше. Земля сохранит остатки своей атмосферы, флоры, фауны и полезных ископаемых.
- Людей совсем не жалко? Больных, нищих, бездомных? Прокаженных?
- Я не азартный человек и жертвовать своей, хоть и ненужной жизнью, не собираюсь. У меня не хватает безрассудства на подвиги. Жалуюсь на свою

ненужность, становиться полезной я, тем не менее, не хочу. Среди нищих мне тоскливо, у них своя жизнь, свои законы. С отрочества я сознательно делала свою жизнь другой, с безгливостью и страхом избегая участи нищих. Бедность – другое дело, я была бедной, да и что у меня есть сейчас? Кров над головой и хлеб на сегодня. Но нищета – почти всегда свободный выбор, стиль жизни. Очень редко в нищету попадаешь извне, в ней рождаешься и в ней умираешь. Из нее не выбраться, она как долгое, сонное утро, не пробуждает ни усилий, ни раздумий, ни упреков, ни отчаяния. Нищета как наркотик, постепенно перестаешь чувствовать даже унижение.

- Ты одним махом перечеркиваешь всю надежду на то, что, однажды, с нищетой будет покончено.

- Абсолютно утопическая идея. Ты взрослый и умный человек, зачем ты говоришь то, во что, я надеюсь, сам не веришь? Я приведу тебе примеры. На одном конце проблемы 8 миллионов людей, умирающих ежегодно, потому что они слишком нищи, чтобы жить, а на другом – Европейский Парламент, который тратит астрономическое количество миллионов в год, переезжая из Страсбурга в Брюссель и обратно, и все только для того, чтобы сохранить традиции и никого не обидеть. Нищета будет существовать, пока, с одной стороны, негры будут издыхать от СПИДа, голода и гражданских войн в какой-нибудь африканской стране, а на другом конце планеты, такой же негр, разбогатевший на том, что под музыку и собственный вокал хватал себя за яйца на сцене, будет совращать малолетних, удовлетворяя свое вконец распущенное естество, а чтобы ягнята молчали, будет отстегивать их родителям по 25 миллионов. Впрочем, что теперь говорить, он уже несколько лет как мертв. Если же мы возьмем так нами нелюбимую церковь, то хочу сообщить тебе, что иски к католической церкви из-за неправомерных деяний ее священников, составили более 1 миллиарда. Какая благотворительность?! Так только, прикрыть фиговым листком толстую задницу нажитого богатства, выторговать себе место в раю. На самом деле, мы все – государства, церковь и индивидуумы живем в свое удовольствие, и до нищеты нам нет никакого дела.

- Ты не права. Знаменитости ездят, деньги раздают, что-то делают.

- Потом другие знаменитости приглашают их в свои программы и делают еще более знаменитыми. Что изменилось с тех пор, как Одри Хэпберн сфотографировалась с черными детьми? Скажешь, надо поселиться среди них, посвятить жизнь служению нищим? Да, вот именно, служению, потому что, находясь среди них, самое большее, чего можно достичь, это обслуживать их нищету. Лекарствами, продуктами, подачками. Нищета – огромна, она никуда не денется и не пропадет. Послушай, сестра Рене, например, о которой писала де Бевуар. – Женщина повернулась на бок и приподнялась на локте. – Это было в 30-х годах, в прошлом веке. Она была дочерью французского консула. Еще подростком, ее потрясла бедность испанского народа. Позже она подстриглась в монахини, став *worker-priest*. Ее направили в Рио. Выделили лоскуток земли среди лачуг бедняков, где она открыла школу и медпункт. Она была умна, образована и имела практическую жилку. Воевала с мэрией за то, чтобы провести канализацию и электричество, заставляла бедняков работать, делать что-нибудь нужное – рыть канавы для канализации, прокладывая дорожки между лачугами. Но они не хотели.

- Чего не хотели?

- Рыть канавы. Нищие вокруг нее были слишком голодны и апатичны, или, скорей всего, ленивы, чтобы хотеть жить лучше. Это мы желаем, в меру своей окультуренности, чтобы они жили лучше. Сами же они ничего не хотят менять!

Они родились в нищете, они знают нищету, они умирают в нищете. Нищета в некотором роде их знамя, которое они несут высоко. Нищетой можно шантажировать. Можно заставить всех остальных чувствовать себя виноватыми. Но заметь, как бы голодны и апатичны они ни были, они никогда не перестают воспроизводиться. На секс сил хватает.

- Не обделять же их и этим, - в голосе Тельца прозвучало сомнение.

- Ни обделить нельзя, ни образовать. И, правда, зачем лишать их минутного удовольствия, результатом которого будет еще один несчастный, больной и голодный ребенок?

- Возможно, ты права. Их надо оставить в покое. Долгое время мы пытаемся изнасиловать их своими идеями и советами. Они должны жить так, как жили много веков до сегодняшнего дня, как диктует природа и их традиции. Мы же не даем им покоя, потому что индустриализация и глобализация не дает нам покоя. Мы находим нужную нам нефть в их землях, вырываем их с корнем из привычного уклада, превращая в рабов, лишенных достоинства и индивидуальности, потом с превосходством белого, а, поэтому, более развитого человека, рассказываем им, как предохраняться от СПИДа и нежеланных детей. А для них все дети желанны. Они не понимают, что такое нежеланные дети! Мы были колонизаторами, ими и остались. Только теперь вместо оккупационных войск и губернатора, их земли, политику и экономику держат под контролем директора транснациональных корпораций.

- Ты – антиглобалист и радикал, - рассмеялась женщина.

- Я – сочувствующий реалист.

- Почему в процессе знакомства, мы навешиваем друг другу ярлыки?

- Мы стараемся определить друг друга в стае себе подобных. Понять, кем мы стали, прожив две трети жизни.

- Так вот, сестра Рене, - продолжала Лютеция. – Она делала это для себя, для Бога или для нищих? Если для себя или для Бога – это не существенно. Если для нищих, то ничего не изменилось. Скажи мне, что в Рио больше нет нищеты, что люди не ютятся в лачугах и в картонных коробках, и что в фавелах проведена канализация. Зачем, милый, бороться с тем, что неистребимо? Тешить свое самолюбие, добиваться лавров героя или церковной канонизации вне очереди? Искупать свои грехи? Мне все это не нужно. Самое интересное, что моя жизнь им тоже не нужна. В лучшем случае, они используют ее даже не во благо, а так, в каждодневной меланхолической дури, и выбросят за ненадобностью. Моя жизнь принадлежит мне. Моя жизнь и моя личная суверенность. Совершенно не нужно, чтобы толпы пересекали эту суверенную территорию, оставляя на ней свои следы.

- Правильно, запись! Не подпускай к себе никого!

Женщина некоторое время молча смотрела на него, думая, стоит ли продолжать этот разговор. Наконец, она решила сказать о том, что причиняет ей боль. Авьось, поймет.

- Мне жалко, только не людей, а животных. Так больно за них, что невозможно переварить эту боль. Однажды видела документальный фильм по телевизору. Убивали детенышей морских котиков. Из-за какого-то фермента, содержащегося в их железах. Убивали из ружья с расстояния в полметра. Затем складывали в шеренгу и тех, кто шевелился, добивали лопатами. Трупы бросали в грузовик. Убивали сотнями, тысячами. Эту грязную работу выполняли темнокожие. Теперь представь на месте котиков обезьян, китов, собак. Ежедневное истребление. Почему человек, истребляя беззащитных перед оружием, которое он держит в руках, животных, не задумается о бренности

собственного существования? В один прекрасный день, точно так же, человечество подвергнется истреблению со стороны более сильного. Того, у которого нет ни начала ни конца. Я думаю, люди будут умирать некрасиво. Им будет страшно, они будут умолять о пощаде и предавать друг друга.

- И такое может случиться.
- Разбить бы оконное стекло вдребезги, - не выдержала женщина.
- Что? Что ты сказала? Зачем? – всполошился Телец.
- Чтобы порезать ладони и почувствовать боль. Физическую боль. Тогда уйдет боль изнутри.

Женщина носила браслеты. Кисти ее рук были покрыты шрамами от затянувшихся царапин. Играючи, кошка царапала ее, иногда сильно. Женщина никогда не наказывала кошку. Напротив, боль от царапин возвращала ее к реальным ощущениям, о которых она, живя со своим мужем, иногда забывала. Вы когда-нибудь думали о том, что физическая боль в состоянии облегчить душевные муки?

Лютеция помолчала. Она зажмурила глаза. Что она видела? Трупы убитых детенышей морских котиков? Ей нужно было время, чтобы снова смочь заговорить с себе подобным, человеком разумным. *Человеком, Разрушающим Свой Дом*. Но, Телец был другим, он хотел подарить ей свою любовь.

- Я могла бы любить, - сказала она.
- Ты так говоришь об этом, как будто собираешься освоить новую профессию.
- Любовь – это тяжкий каждодневный труд. Но полюбить не всех. Одного.

Телец затаил дыхание. Может быть, она попробует?

- Я не люблю бывать на людях, - продолжала женщина. – Кожа истончается, съедается посторонними взглядами. Внутренне ты можешь держаться на силе воли, духа, ума, а снаружи, по твоему лицу скользят глаза, глаза, глаза. Скользят без устали, без остановки. Поедают. Пожирают.

Женщина поднялась с постели, обернулась в простынь, заколола волосы шпилькой и подошла к окну. Она стала смотреть в сад, который оживал. На небольших ухоженных клумбах, среди деревьев, проклюнулись остроконечные листочки тюльпанов и ирисов. Островками росли фиалки, чьи изумрудные листья обнимали первые, сладко пахнущие, фиолетовые цветы. Фиалки! Цветы любви и бедности.

Она также увидела в дальнем углу сада колодец. Рядом с колодцем, был небольшой холм: растительности на нем было мало, но живописной россыпью валялись большие серые камни. Некоторые из них были соединены таким образом, что образовывали некое подобие сидений. С этих самодельных скамеек можно было обозревать дом, сад и аллею, ведущую к дому.

Телец, облокотившись на подушки, любовался изгибом открытой шеи женщины, ее спиной и локтями. «Лютеция – именно то окончание, которого так не доставало этому дому. Одухотворенное благородство». Вслух он сказал:

- Хорошо рассуждать о нищете под прикрытием этих стен? Совсем не страшно, правда?
- Твоя ирония оборачивается против тебя. Да, именно в уюте и безопасности этого дома. Этот дом подтверждает мою правоту. На одном полюсе такие вот дома, на другом – нищета. Так было испокон веков, не правда ли? Чтобы изменить существующий порядок, мы все должны стать нищими. Или богатыми, но на всех богатства не хватит. Поэтому нищими, но это мы уже проходили. Хотя, знаешь, мне кажется, что крайняя нищета и бескрайнее богатство совпадают в одном: и там, и там есть возможность вкусить свободы.

Лютеция обернулась. Теперь Телец не видел ее лица, лишь темный силуэт. Свет, падающий из окна, золотил ее волосы и местами высвечивал белые пятна простыни, концы которой она придерживала у груди. Она застыла, рассматривая распростертое на смятых простынях, тело своего любовника. «Мы уже не молоды, но еще не стары», подумала она. «Хорошее время, единственно верное, когда ум созрел, а тело еще не потеряло форму. Время совершать поступки. Вернее, совершить свой последний поступок. Или пережить свое последнее приключение».

- Мы много говорим, - Лютеция подошла к Тельцу и поцеловала его.

- Мы влюбляемся друг в друга.

- Помню, мы с мужем, во время нашего периода влюбленности разговаривали о детстве. О малозначимых вещах. С тобой как на исповеди.

- Вы были молоды. Все, что вы помнили, было детство и малозначимые происшествия. Мы расскажем об этом друг другу между делом. Разговаривая о важном, о том, что мы надумали за прожитые годы о важных вещах и понятиях, мы готовимся жить вместе. Если, в одно прекрасное утро, мы будем завтракать, и тебе не понравится цвет чашки или запах кофе, я буду знать, почему.

- Цвет чашки и запах кофе, как раз, малозначимые вещи.

- Только не для тебя. Не для женщины, которая любит Бога и не любит людей, которая отвергает церковь, презирает милосердие и страдает оттого, что истребляют животных и зверей.

- Я презираю массовое милосердие, которое ни к чему не обязывает. Одного, двоих? Но если накормил одного, надо продолжать его кормить каждый день. Ответственность. Если приютил бездомную собаку, не выгонишь же ее на другой день из дому! Давая приют, впуская в свою жизнь кого-то, ты тут же обязан изменить и свою жизнь. Приспособить ее ко вновь прибывшему. Поэтому, одиночество гораздо менее обременительно. Одиночество – это свобода и это целый мир! Это – комната для одного.

«Она не хочет меня рядом», - Телец был удручен.

- Лютеция, не уходи. Ты – душа этого дома. А я всегда буду твоим кормильцем.

- Ты собираешься приютить меня? А ты? Ты сам?

- Я работал. По-настоящему работал, вкалывал, рисковал. Торговал оружием. Когда развалился социалистический лагерь, я наводнил «калашниковыми» всю Африку. Теперь занимаюсь продовольствием. Я подписал большой контракт на поставку продовольствия в одну из африканских стран. Если там не поменяется власть, нам с тобой хватит.

Лютеция хотела спросить, имеет ли он также отношение к наркобизнесу, процветающему с помощью американцев в Афганистане, но вместо этого сказала:

- Но ты все уже сделал. Заработал деньги. Купил этот дом. Что дальше?

Сам займешься благотворительностью? Поделишься с людьми? Замолишь грехи? Будешь творить благие дела на деньги с проданного оружия? «Behind every fortune lies one great crime», - сказала женщина по-английски.

- Поскольку эта фраза принадлежит Бальзаку, уместнее было бы произнести ее по-французски, - съерничал Телец.

- Я не говорю по-французски.

- Увы, я тоже.

- Почему ты злишься?

- Потому что ты, ни с того, ни с сего, поглупела. Ты что, думаешь, только русские могут сбывать оружие арабам? Оружие приносит прекрасные барыши, а кое-где делает тебя незаменимым человеком, вершителем судеб нищих и

отринутых. Нет, благотворительностью я заниматься не буду.

Благотворительность – составная часть милосердия, о которой ты все уже рассказала. Отдавая людям, ты исходишь милостью своего сердца. Говорят, от этого становится хорошо.

- Плохие мы с тобой люди.

Лютеция подошла к кровати и легла рядом с ним.

- Мы не плохие, мы – индивидуалисты.

- Эгоисты.

- Индивидуалисты. Эгоисты только для себя, а мы друг для друга. Почему, слегка оперившись, мы должны выйти к людям и все отдать? Отдавая тебе милость своего сердца, я радуюсь. Я люблю тебя. Я обеспечу твою старость, избавлю тебя от страхов. Тебе нужен дом, в котором ты умрешь. Отдавая тебе все, я не чувствую себя виноватым перед людьми. Я считаю, что ты достойна этого. Они? Они мне не знакомы.

- Но оружие, Телец, оружие...

- Я продавал тем, кто покупал.

- Кто хотел убивать. А как быть с теми, кто не хотел умирать?

- Они тоже должны иметь оружие, чтобы защищаться. Ты сама сказала, что люди – кровожадные твари.

- Если бы они верили в одного Бога, войн бы не было, - предположила Лютеция.

- Войны будут всегда. Человеку нужны территории, нефть, вода и власть.

Кому-то нужны деньги, кому-то нравится убивать, кому-то насилловать детей. Я решил построить небольшую часовню за домом.

- Чтобы замаливать грехи?

- Чтобы учиться разговаривать с Господом. Когда я зарабатывал деньги, я был занят, теперь хочу начать. Думаю, еще не поздно.

- Мать честная! – Лютеция отвернулась и задумалась. Укрыться бы за стенами этого сада и уж никого больше не видеть. Она зарылась носом в подушку и долго лежала молча. «Говорят, гимн человечеству, - подумала она, - а тут в пору смертное проклятие наложить за все преступления и грехи. Но люди тоже хитрые. Чтобы выжить, человечество объединяется. На маленькой планете огромное количество людей объединяется. Люди все больше превращаются в слугителей. Служат своим божествам, кто кому: одни – деньгам, другие – идеологиям, третьи – вероисповеданиям, четвертые – террору, пятые – шоу бизнесу. Человеческая душа, некогда чувствительная, любопытная и сомневающаяся, постепенно заменяется чипом принадлежности. Человек больше не думает, он отдает себя в распоряжение союзов, объединений, корпораций, партий и идеологий. Человек не существует больше сам по себе, он теряет лицо, растворяясь в грехах, творимых теперь уже не им, а его объединениями. Таким образом, он чувствует себя в безопасности».

- В конце концов, - продолжал Телец, - нет никакой разницы между одной человеческой жизнью и сотней. Одна жизнь так же важна, как и миллион. Так что, давай, доверимся друг другу, избавимся от чувства вины и будем считать, что нам повезло. Мы встретили друг друга.

- Друг друга нам может оказаться мало.

Телец молчал. Потом, вдруг, спросил.

- Ты когда-нибудь хотела чего-нибудь сильно, до дурноты, до истерики? Ты когда-нибудь боролась за свои желания и привязанности? За свою любовь? Ты когда-нибудь вырывала зубами что-нибудь для себя? Была ненасытной? Путешествиями, деньгами, чувствами?

Про себя же он подумал: «То, о чем я говорю, означает страсть, смысл, сок жизни. Она кажется холодной и отстраненной, и, поэтому глупой, несмотря на ее зрелый ум, которым она так гордится».

Женщина смотрела на Тельца. Она была немного обижена. Ее обвиняли в отсутствии страстности. Это было вдвойне обидно после нескольких часов, проведенных в постели. Ей показалось, им обоим было хорошо.

- Вырывала ли я что-нибудь для себя зубами? Не помню. Думаю, что нет. Я старалась не вмешиваться, быть непричастной и нетребовательной. Я думала, что жила свободно. Если мне что-то не давалось, я отпускала свои желания на свободу. Если кто-то хотел уйти, я не удерживала.

- Жила свободно, говоришь? Не удерживала? – Телец спрыгнул с кровати и набросил халат. – И что, твой зрелый ум каждый раз соглашался? Не очень сложное занятие для зрелого ума.

- Не злись. Тебя это не касалось.

- Неужели меня попытаешься удержать?

- Нет, но буду сожалеть, если уйдешь. Удерживать кого бы то ни было – это всегда насилие. Я думала, ты понимаешь. Женщина теряет достоинство, если старается удержать мужчину, мужчина теряет интерес. Оба проигрывают. Если один борется за то, чтобы удержать другого, значит тот, другой, не хочет быть вместе. Зачем же заставлять?

- Потому что любишь без ума!

- Да наплевать! – не выдержала женщина. – Если тот, кого любишь без ума, тебя не любит и хочет на свободу, не удерживай, отпусти. Твои чувства там, на другой стороне, в другом сердце, не имеют значения. Самое большее, чего ты можешь добиться своей борьбой, это компромисса, согласия против воли, которое, рано или поздно, взорвется катастрофой у тебя же перед носом.

- А если оба хотят, но возникает препятствие?

- Тогда, ну, тогда...

- Впрочем, ты права, - согласился Телец. – Давай прекратим этот разговор. Я проголодался. Пойду, приготовлю нам бутерброды.

Телец развернулся и вышел из спальни. Спускаясь по широкой лестнице с деревянными перилами, он понял, что ему надо незамедлительно что-то придумать. Оказавшись на кухне с большим деревянным столом посередине, он посчитал необходимым выработать план, способный кардинальным образом изменить ситуацию и характеры некоторых людей, замешанных в эту ситуацию.

Нарезая электрическим ножом тонкие ломтики ветчины, Телец размышлял.

Он рано начал трудиться. У него была цель, стимул. Он хотел стать собственником. Он добился своей цели. Но что дальше? Эти оставшиеся двадцать лет разумной жизни, чем их заполнить? Любовью. Любовью? Что такое любовь? Можно ли назвать любовью все возрастающее желание находиться рядом с одной и той же женщиной каждый день? Желание засыпать каждую ночь подле нее и просыпаться в ее объятиях? Смотреть телевизор, возиться в саду, готовить и читать, путешествовать а, главное удивлять ее. Приносить плоды своей деятельности и складывать к ее ногам и ждать, что она скажет. Увидеть искорку удивления, удовлетворения, гордости и счастья в ее лучистых глазах. «Я хочу слышать слова, которые произносят ее губы. Мне хочется знать, что она думает обо мне, о деньгах, котах, книгах, погоде и ситуации на Ближнем Востоке. И хочется этого все больше и больше. Почему именно она? Я знал многих. Понял, что любовь проходяща или не существует вовсе. Привязанность, да, именно так, привязанность. Очень правильное слово. Я очень привязался к ней.

К ее уму, к ее безразличию. Ее притягательность состоит в том, что она готова к любому повороту событий. Если бы не я, она очутилась бы посреди нищеты, но и глазом бы не моргнула. Ее ум позволил бы ей выжить. Простая деревенская девчонка, глупая и сочная, дралась бы за меня. Моим отношением. Этой же безразлично. Ее ум выжрал ее соки, она высохла... Хотя, разговаривает она откровенно и страстно, и любит также. Страх сковывает ее желание принадлежать мне. Она ошиблась, ошпарилась однажды, теперь боится. Думает, что если доверится, если повиснет на моей шее и рассмеется от счастья, если позволит себе такой счастливый момент, то заплатит за него следующим моментом, в котором, с ее точки зрения, неизбежно произойдет предательство».

Телец, закончив нарезать ветчину, аккуратно вытер нож, подошел к кухонному шкафу и достал с полки две белые тарелки. Поставив их на стол рядом с разделочной доской, на которой лежали кусочки ветчины, он направился к холодильнику. Открыв дверцу, он постоял в нерешительности, вспоминая, что именно ему было нужно. В конце концов, он взял баночку маслин и бутылку белого вина. Вернувшись к столу, он выдвинул ящик и стал искать штопор. Найдя нужный предмет, он снова задумался.

«Стоит ли мне доказывать ей, что она мне нужна? Нуждаться в ком-либо больше, чем любить. В этом вся загвоздка. Нужда – это жизненная необходимость. Когда она нюхает цветы, мне хочется дотронуться до ее подбородка. В детстве мне подарили щенка. Помню, он стал смыслом моей детской жизни. Я просыпался по утрам с радостным чувством, что у меня есть щенок. Я бежал к нему из школы и с трудом расставался с ним по вечерам, когда шел спать. Засыпая, я думал только о нем, вспоминая его повадки, его взгляд, наши игры, как он ест, как спит. Щенок, конечно, не был таким же сознательным образом привязан ко мне. Он дарил мне счастливые дни, неосознанно став смыслом моей жизни. Я нуждался в нем и эта нужда сделала меня счастливым. Точно так же, сейчас мне нужна Лютеция. Она в точности как щенок. Споткнувшись об меня на дороге своей жизни, она остановилась и завела со мной разговор. Жаль только, что человек не обладает щенячьей непосредственностью. Лютеция на перепутье, она думает, выбирает, боится выбора. Выбирать, правда, особенно не из чего. Бедная, лишенная достоинства, старость, приживалка у собственного сына, или я. И, тем не менее, она не торопится сказать «да». Чего она ждет? Квартира, где она обитает со своим мужем, является ее последним, временным прибежищем. Ее ум удерживает ее там, цепляясь за последнюю возможность оставить все, как есть. Иногда мне кажется, что ее ум – орган, олицетворяющий в ней мужчину. Он не дает ей растеряться, отчаяться и броситься на шею настоящему, реальному мужчине. Она верит в свой ум, как люди верят в Бога. Ее ум встает перед ней как щит, но, в то же время, как преграда. Она знает, что ее ум найдет выход из любого положения, примирит ее с любыми обстоятельствами, найдет решение, а потом утешит ее. Ее ум лишил ее чисто женского поведения, он стер в ней программы женских инстинктов. Пока она не спешит прибегать к услугам своего ума, она позволяет своим страхам развлекать себя: «Что будет, если муж снова потеряет работу?». «А что, если Телец не тот, за кого себя выдает?». Она ждет, когда ситуация упростится и ей придется действовать по принуждению обстоятельств. Но и тогда, она не воспользуется своим умом, она переедет ко мне и будет жить со мной, ожидая предательства. И вот когда это предательство совершится, проснется ее ум, предлагая ей ходы и выходы. Ощущая его деятельность, она возбудится и обретет себя».

Телец опять подошел к шкафчику, из которого раньше достал тарелки. С той же полки он снял, держа за длинные, хрупкие ножки, два бокала. Вернувшись к столу, он стал сервировать поднос. Ветчина, ломти белого хлеба, маслины, тарелки, бокалы, салфетки и вино. Но, прежде чем подняться в спальню, он задержался на кухне, обдумывая свой план.

«Я должен изменить Лютецию. В противном случае, мы оба проиграем. Я не хочу жить ни с ее страхами, ни с ее умом. Мне хочется поселиться в этом доме с женщиной. Ее надо выпотрошить и создать нечто другое. Вылепить образ живой, непосредственной, страстной и умной женщины, встретившей мужчину, который ей под стать и которого она хочет. Он ей необходим и она должна его завоевать. Во что бы то ни стало. Вот так просто. Потому что пока мы нужны другим, у нас есть выбор – отдавать себя или нет, но когда кто-то нужен нам, мы превращаемся в завоевателей. Перед нами появляется цель, и эта цель становится смыслом нашей жизни. Она должна захотеть завоевать меня или отвоевать меня. Клянусь, я того стою. Но у кого меня отвоевывать?».

Телец поставил поднос, который уже держал в руках, на стол и пошел к холодильнику. Достав оттуда баночку с натертым хреном, он поставил ее на поднос.

«Я ведь одинок, она знает это. Я не был женат, меня никто не предавал, жизнь не закабалила меня страхами. Будучи всегда сам себе хозяином, я не делил чужие проблемы, сумасбродства, печали и неудачи. Моя жизнь ни от кого не зависела. Я спокоен, силен и постоянен. Не изувечен. Я дал ей имя, я начал творить ее. Лютеция должна сбросить ненужные лепестки, они уже иссохли, состарились. Она должна потянуться ко мне, как к солнцу и так остаться, нежась в моих теплых лучах, уверившись в том, что и завтра, и послезавтра я появлюсь на небе. Я должен заставить ее понять, что ей есть нужда во мне. Я уже почти придумал, как воздвигнуть препятствие на ее пути ко мне. Пусть ее мужской ум немного поработает. Но как заставить ее захотеть преодолеть это препятствие? Это препятствие должно быть реальным, угрожающим и, в то же время, удивительно знакомым. Бог поможет мне. Если, в конце, ей покажется, что она завоевала меня, она со мной останется. Ей будет интересно, потому что завоеует она мужчину впервые в жизни».

Телец схватил поднос и, воодушевленный только что созревшим планом, стал бегом подниматься по лестнице в спальню. Но, вдруг, остановился. Вернувшись на кухню, он поставил поднос на подоконник и посмотрел в окно. Несмотря на то, что его пожирала гордость и воодушевление от только что придуманного грандиозного плана, он не позволил себе игнорировать менее важные, но полные романтического значения, действия. Он распахнул окно и выпрыгнул в сад. Собрав с клумбы несколько крупных цветков фиалки, он снова забрался через окно в дом, взял еще один бокал, наполнил его водой и опустил в воду фиалки. Телец с удовольствием оценил свою сиюминутность и фантазию. И все ради нее, ради нее.

Женщина лежала на кровати и думала об оружии, которым торговал Телец. О жизни и смерти. О войне в Ираке, в Чечне, в Афганистане, во Вьетнаме, в Камбодже, Сирии и Украине. Обо всех войнах, что случились с момента ее рождения. Все эти страны, с ее точки зрения, были проигрышными для завоевателей территориями с самого начала. Никогда американский солдат не станет освободителем для иракцев, например, даже если он и принес им свободу от тирана. Все дело в том, что этот тиран был таким же иракцем, как и его народ, одной с ним крови и вероисповедания. Через некоторое время свергнутый диктатор станет мучеником и совсем скоро его имя всполохнет на знаменах

освободительной войны против «освободителей». Если бы люди согласились с тем, что Бог един, войн бы не было. Или, если его, Бога, не было бы вовсе. Политика ее не интересовала. Женщина предпочитала думать о политике как об абстракции. Принимать политику всерьез было для нее невозможно, поскольку тогда пришлось бы смириться с тем невероятным фактом, что политика – это всегда преступление, направленное на ущемление чьих-то прав, а миром правят преступные, коррумпированные и извращенные махинаторы. Политика – это огромные деньги и безграничная ложь. Политика – это лицемерие. Не будем забывать, что «освободители» пришли в Ирак за нефтью. К тому же, по подложным документам – разведка «разведала» то, что нужно было президенту. Для наивных романтиков свержение диктатора, огромный и светлый дар демократии, для себя – свои интересы, своя игра. Для женщины, как и для большинства нормальных людей, личные обиды и проблемы были гораздо ощутимей, чем любые политические игры. Порой было так больно от той несправедливости, которой была полна личная жизнь, что принять на себя еще и чужие боль и страдания – войны, пытки, голод – было просто невозможно. Иногда женщине удавалось об этом не думать. Слава Богу, Телец больше оружием не торгует.

Ее мысли вернулись к тому, что сказал Телец про часовню. Если он выстроит ее за домом, в левом углу сада, она архитектурно уравновесит холм с колодецем. Хорошо было бы заполнить какой-нибудь постройкой левый угол за домом. Семейной усыпальницей, например. Но кого хоронить там? Ведь семьи не предвидится. Тогда оранжерею. В которой было бы хорошо выращивать что? Орхидеи? Огурцы? Или лучше шампиньоны? Она представила себя в шерстяной юбке и толстой вязаной кофте, срезающей ножом бело-серые, невыразительные грибы. «Этим можно заниматься по утрам, – размышляла женщина, – но, потом, середина дня. Чем заполнить ее? По вечерам, мы будем ужинать за большим столом в кухне, поедая грибы, срезанные утром». Лютеция вздрогнула. Жить так она не хотела.

Телец появился в проеме двери с подносом. Как она элегантна в этой своей ауре ума и нерешительности, страха и безразличия! Ее взгляд был испуганным, вызывающим, вопрошающим, короче, сбивающим с толку. За ее глазами шла война, которую женщина вела в одиночку за свою жизнь. Стыдно в Европе быть нищей. Неуютно и унизительно. Не тот континент.

Поставив поднос на кровать, Телец сказал:

- Ты сама себя сделала ненужной. Ты не чувствуешь себя нужной, потому, что ты ни к кому не привязана. Ладно, род человеческий не такая уж необходимая компания, но я ... Моя любовь к тебе не знает границ.

- Уже?

Телец почувствовал себя клоуном.

- Представь, что ты живешь не сейчас, а через несколько десятилетий и, однажды в будущем, тебе захочется поговорить с другим человеком. – Телец выразительно замолчал. Потом так же выразительно продолжил. – Которого ты не найдешь. Наш мир изменится. Изменится климат. Вопреки ожиданиям, будет очень холодно. В атмосфере не будет хватать кислорода. Люди будут умирать. Миллионами.

- Неужели это не самая лучшая смерть? Исчезнуть вместе с жизнью на Земле? – Лютеция села в кровати. – Меня не положат в гроб, что ужасно, и мое тело не сожгут, что не лучше. Именно так и надо умирать. Исчезать.

Она взяла бокал с фиалками и, вынув цветы из воды, рассыпала их по своему лицу и обнаженной груди.

- Но даже тогда мне не захочется ни с кем разговаривать. Гораздо приятнее будет исчезнуть в саду, среди камней, деревьев и цветов. Последнее, что я увижу, будет цветок фиалки, например. – Женщина по-прежнему мечтала об эстетичности одиночества.

- Значит, ты остаешься? – Телец с удовлетворением протянул ей бутерброд с ветчиной и бокал вина.

Приняв из его рук и то и другое, женщина улыбнулась.

- Не остаюсь, а переезжаю.

- Ну, и, слава Богу! Ты ни о чем не пожалеешь. Мне любопытно знать, - выплевывая косточку от маслины, продолжал Телец, - как зовут твоего мужа?

- Аристотель.

Тельцу показалось, что он услышал еще одно имя, которое совсем не подходит человеку, который его носит.

ЧАСТЬ 3.

Телец шагал по широкому тротуару по направлению к гостинице «Sacher», там у него была назначена встреча. Гостиница была старая, все утопало в пурпурных коврах и атмосфере подлинности. Даже его любимый торт с абрикосовой начинкой, который выпекали только тут, по рецепту 1832-го года, имел ту же шоколадную печать, что украшала его гладкую поверхность в день его создания. Разговор с человеком, которого он намеревался здесь встретить, кому угодно мог показаться странным и неожиданным, но только не ему. Телец был уверен в себе и своем предприятии. Его походка была легкой и пружинистой, его серо-зеленые глаза были полны возбуждения, его чувствительные губы подрагивали в улыбке. Он был обладателем острого ума, позволившим ему выработать план, которым он гордился, сильного характера, отличавшимся упорством и терпением, а также он, как ему казалось, обладал искренностью, подсобившей ему в деле любви. Его любовь к Лютеции была искренна и не знала границ. Да, он любил эту женщину, но он любил ту Лютецию, которая скоро появится из руин теперешней Ольги. Ее надо создать, как создают нечто новое, часто не имеющее никакого отношения к старому, как на руинах исчезнувших небоскребов, например. Телец вспомнил тот ужасный, трагический день 11 сентября, когда мир вздрогнул и переменялся.

Что же он хотел от Лютеции? Ему предстояла нелегкая задача. Место, на котором он собирался выстроить, не пустовало. Зачем же разрушать? Она была красива, умна, чувствительна, понятлива. Хороший друг, нежная любовница. Ее единственным недостатком была ее самостоятельность. Она не нуждалась в нем, имея собственные взгляды и суждения. Тельцу нужно было заставить ее чувствовать в нем необходимость, т. е. любить его, подчиняться ему и боготворить его. В конце концов, он был сыном своей страны, он является неотъемлемой частью нации, которая повелевает. Он – новый римлянин, она должна стать его плебейкой.

Он вспомнил, как однажды, Лютеция спросила его, почему он покинул Штаты и живет в Австрии. Он ждал этого вопроса. Сначала он хотел откровенно объяснить ей, что Америка ему набрыдла хуже горькой редьки. Хотел процитировать ей кусок из своего любимого Генри Миллера, сбежавшего в свои

молодые годы в Париж. Хотел сказать словами Миллера следующее: «Когда я думаю об этом городе, где я родился и вырос, о Манхэттене, который воспел Уитмен, пламя дикой злобы облизывает мне кишки. Нью-Йорк! Эти белые тюрьмы; эти тротуары с копошащимися на них червями; эти очереди за хлебом; эти опиокурильни, построенные как дворцы; эти еврейчики, эти прокаженные, эти бандиты, и надо всем этим – тоска, убийственная монотонность лиц, улиц, ног, домов, небоскребов, обедов, афиш, занятий, преступлений, любви... Целый город, возведенный над пропастью пустоты. Над пропастью бессмысленности. Абсолютной бессмысленности. А Сорок вторая улица! Вершина мира – так ее называют ньюйоркцы. А где же тогда его подвал? Вы можете целыми днями ходить по Сорок второй с протянутой рукой, и они будут кидать вам в шапку горячие угольки. Бедные и богатые, они ходят здесь, задрвав голову, рискуя сломать шею, и смотрят на свои великолепные белые тюрьмы. Они ходят, точно слепые гуси, и прожекторы серебрят их пустые лица пудрой восторга». После этого монолога он планировал немного помолчать, а затем театрально повернуться к Лютеции, взглянуть ей в глаза и закончить свой эффектный монолог другой убийственной фразой из того же Миллера: «Америка – это воплощение гибели. Она утянет с собой весь мир в бездонную пропасть». Впрочем, немного поразмыслив, он решил остаться частью великой нации и сокровенное не выдавать даже Лютеции. Поэтому он выдвинул другую, совершенно противоположную своим потайным мыслям, версию.

- Когда-то европейцы заселили Америку, - ответил Телец. – Постепенно потомки первых переселенцев забыли, что большинство из нас, белых американцев, на самом деле, европейцы. Настало время нам возвращаться к себе домой.

- Чтобы со временем мы стали думать, что мы все - американцы?
– рассмеялась Лютеция в ответ.

Телец удивился ее ответу. Оказывается, пропасть была глубже, чем ему казалось. Ему нравилась Европа, выбранная им Вена, была ошеломляюще прекрасна. Зачем он здесь? Здесь он чувствовал себя на своем месте, дома. Этот город напоминал женщину, его женщину, которую он недавно встретил. В обеих дыбились образованность, культура и стиль. Утонченность.

Его не смущал тот факт, что он собирался вовлечь в свое рискованное предприятие Лютецию, этот драгоценнейший образчик чувств и мысли, ее судьбу и, кто знает, может быть, даже жизнь. В это майское утро он чувствовал себя Богом, могущим смести до основания все ненужное, устаревшее и создать нечто свое, другое, великое и неповторимое. Ему не приходило в голову, что в данный момент своего бытия он напоминает террориста, готового подложить бомбу, которая неминуемо унесет жизни людей. Телец был возбужден собой и предстоящей встречей.

В «Sacher'e» обычно собирались экспатриоты – иностранцы, работающие за границей. Все они служили в транснациональных компаниях, корпорациях или монополиях, называйте их как угодно, функционирующих за рубежом, в данном случае, в Австрии. Что такое транснациональная корпорация? Очень просто: сначала некая компания появляется в одной стране, в Соединенных Штатах, например, или в одной из развитых стран Европы. Затем, следуя экспорту своей продукции, начинает строить заводы в других государствах, как в богатых, так и в бедных. В богатых, потому что там продукцию данной компании покупают, в бедных – из-за дешевой рабочей силы, из-за того, что производство и упаковка там обходятся буквально гроши. Такие компании, разбросавшиеся как спруты, по всему земному шару, дают работу и хлеб насущный рабочим где-

нибудь в Африке или Латинской Америке, таким образом, повышая уровень их жизни. Используя другой, более живописный слог, можно сказать, что они своей широкой грудью и крепкими руками прокладывают неимущим народам путь к благоденствию и прогрессу. Часть полученной прибыли транснациональные компании отдают политическим институтам тех стран, в которых имеются их предприятия. Кем избраны политические институты, избраны ли они свободно, деспотические ли это режимы или нет, значения не имеет. Для иллюстрации возьмем несколько примеров из прошлого. То, о чем пойдет речь, хорошо знакомо старшему поколению. Не давая политической оценки, напомним, что режим Самосы в Никарагуа держался в течение нескольких десятилетий благодаря помощи бананово-ананасовой Транснациональной корпорации «Юнайтед фрут компании», а «Интернейшнл телефон энд телеграф» американского происхождения приняла активное участие, и не только финансовое, в свержении Сальвадора Альенде.

Власть, которой обличены руководители транснациональных компаний и корпораций, возбуждает уже не столько количеством денег, сколько возможностью вершить судьбы мира: создавать экономические и валютные кризисы, содействовать вооружению того или иного государства, натравливая их затем одно на другое. Вот что говорит один из персонажей романа «Обличитель» Рене-Виктора Пия, директор вымышленной американской транснациональной компании «Россериз и Митчелл»: «Мы уже недалеки от мирового господства. Нет ничего общего между мной и нефтяным магнатом или самым богатым в мире банкиром, даже если наши интересы и тесно переплетены: они могущественны, потому что богаты, а я могуществен потому, что доход меня больше не интересует, потому, что настанет день, когда я и мои преемники заставим правительства дать моей фирме право бросать в бой армии!» Далее он продолжает свою мысль, описывая как здорово заставить драться хорошо оплаченных транснациональных боливийцев с затравленными и обнищавшими национальными боливийцами, или как будет умно выставить индонезийские полки против студентов и деревенских партизан из Джакарты. Когда же победа будет им одержана, такой директор станет властителем мира, и тогда «западные правительства, освободившись от военных забот, смогут успокоить свои народы, заняться социальным законодательством, градостроительством и уличным движением». Кажется, именно это и происходит сейчас в Соединенных Штатах.

С течением времени идеология транснациональных компаний практически не изменилась. Их теперь чаще называют межнациональные или мультинациональные компании, или просто «мультишки». Такие мультишки сначала обзаводятся службой безопасности, потом разведкой и, наконец, собственной армией. Сейчас, в начале двадцать первого века, сместились лишь приоритеты. Это больше не банановые корпорации, на их место пришли газовые и нефтяные концерны, корпорации по недвижимости, строительные фирмы и компании высоких технологий, постепенно становящиеся властителями и законодателями с неограниченной властью не только у себя в стране, но и на целых континентах.

Было время, когда Соединенные штаты были единственной страной, кующей в своих университетах элиту для избранных – людей, способных управлять чем угодно, лишь бы управлять: административным органом, крупным предприятием или межнациональной компанией. Такие специалисты становились высшим управленческим звеном в транснациональных компаниях, а те, кто работал в таких компаниях, расположенных не по месту их постоянного проживания, назывались экспатриотами.

Экспатриоты процветают и в наши дни, и, как правило, принадлежат к элите менеджмента и технократии, получая очень приличное вознаграждение за свой труд, а также, так называемый пакет, в который входит оплачиваемая жилплощадь, со всеми коммунальными услугами, машина во временном пользовании, мобильный телефон и обучение детей, если таковые имеются. Транснациональные компании дают возможность своим служащим чувствовать себя комфортно во время тех нескольких месяцев или лет, когда этот служащий является их сотрудником, требуя взамен хороших результатов на отведенном им участке работы, социальной приспособляемости и развитой привычки потреблять. Ведь когда есть возможность потреблять постоянно и много, ни о чем особенно не думаешь, всем доволен а, главное, самодоволен. Жизнь удалась, не правда ли? Высокооплачиваемые исполнители постепенно превращаются в запрограммированных роботов, выполняющих функции, специфические для их корпораций. Они меняют свои взгляды, политические и иные, образ мышления и образ жизни в угоду политике, проводимой той или иной корпорацией. Они больше не считают себя индивидуумами, имеющими и отстаивающими свою точку зрения, каковыми многие из них были или считались в студенческие годы.

Так вот, хорошо одетые, основательные экспатриоты из разных стран, имели привычку собираться в венском «Sacher'e», чтобы в конце рабочего дня пропустить кружку пива, неторопливо выпить коктейль или виски, пропустить рюмочку водки, а потом поужинать. Вращаясь среди себе подобных, они обычно собирают сплетни: кто уволен и оказался на улице, кому выплатили по контракту, а кого выгнали просто так, без компенсации, и кого прислали на место уволенного. Экспатриоты пьют и сплетничают из-за постоянного страха потерять обильную кормушку; в любой момент каждый из них может перестать быть нужным своей мультяшке, оказавшись за массивной дверью со стороны улицы. Дело в том, что руководящие сотрудники, стерев свою индивидуальность в угоду политике, проводимой их «родной» корпорацией, сделались безликими, и, следовательно, взаимозаменяемыми. Оказываясь там, вонне теплых стен, по другую сторону принадлежности, они могут поставить на своей карьере и обеспеченной жизни крест, потому что другие корпорации с улиц не подбирают. Одно дело перекупить специалиста, т.е. квалифицированного робота, на то и развелось полно «охотников за головами», а другое – пригласить на корпоративные харчи безработного. Кроме сплетен, разговоры за выпивкой в «Sacher'e» велись приблизительно на одни и те же темы: обсуждали потоки наличных денег, руководящих и рядовых сотрудников, международное управление, капиталы, баланс и налоги, казначейство, акции, холдинги, импорт, филиалы в Европе, Соединенных Штатах и Японии, а также санкции, которые должны в самом скором времени снять с России. Эти профессионалы были запрограммированы говорить на эти темы даже после работы, потому что имели «целенаправленные мозговые извилины». Аминь.

Жены экспатриотов появлялись в этой гостинице редко. Большинство за своими мужьями в другие страны не следовали, предпочитая работать, ходить за покупками и растить детей в знакомом окружении. В начале своего срока за рубежом, их мужья летали навещать свои семьи каждые выходные, но потом уставали от самолетов, пропускали одни выходные, потом другие, потом обзаводились хорошенькими любовницами, молодыми амбициозными карьеристками из местных, принося в жертву мировым империям человеческие чувства и семейные отношения. Те руководящие работники, кто переезжали с семьями, вырывая родных из привычного уклада, чувствовали себя менее уверенно, чем одинокие волки, во-первых, потому что рисковали большим, во-

вторых, потому что были честнее и глупее, и часто сожалели о том, что не могут позволить себе ни роскоши свободы, ни сладких, греховных соблазнов. Хотя в корпорациях, такое понятие как свобода, всегда было очень условным. Даже после окончания рабочего дня, сотрудник корпорации продолжал принадлежать своей системе, как две капли воды, похожей на другую такую же систему. Офицер безопасности любой, взятой произвольно мультяшки, был всегда прекрасно осведомлен о том, в какой гостинице их «высокий исполнитель» пьет водку, в каком борделе трахает проститутку и, спьяну или от тоски, выбалтывает ей корпоративные секреты. Поэтому, в таких компаниях даже отдыхают и развлекаются вместе и дружно – и хоккейные команды создают, и на рыбалку ездят всем составом. Другими словами живут дружно, удобно устроившись на своде гласных и негласных правил.

Аристотель прекрасно знал это окружение и ненавидел его. Он бы давно покинул эти глубокие воды, но оставался ради денег. Одни считали его гением, другие – неудачником. Ему, по мнению его недоброжелателей, не хватало постоянства, настойчивости и ума. На самом деле, Аристотелю не хватало желания. Переходя из одной компании в другую, он возбуждался на несколько месяцев новой атмосферой и новыми целями, но потом все оказывалось в точности, как на предыдущем месте. Им завладевали апатия и лень. Скорей всего, он был все же, неудачником, но его любили. Его любили директора других транснационалок и мечтали его заполучить. Заполучив его, они, поначалу, любовались своим приобретением. Эта очарованность была взаимной, так как именно в это время Аристотеля тянуло на производственные подвиги. Проходила пара месяцев, и очарованность исчезала, ей на смену приходило взаимное охлаждение. От Аристотеля хотели избавиться как от поверхностного и неумного сотрудника. Он привлекал своей внешностью и своими повадками, которые создавали поле притяжения вокруг него и за которыми, хотелось думать, скрывался недюжинный ум. Но за красивым и тонким лицом, за медлительными, грациозными манерами и хорошей, дорогой, подобранной со вкусом, одеждой, не скрывалось ничего особенного. При более продолжительном знакомстве, когда взгляд проникает за броню одежды и притворства, Аристотель выглядел на удивление одноразовым. Как одноразовый шприц. Используя его один раз, им невозможно было продолжать пользоваться. Он был полон обещаний, он всегда торопился пообещать неважно что, часто даже не выслушав до конца, что же от него хотели, и никогда своих обещаний не выполнял.

Аристотель был болтлив. Болтлив с подчиненными и труслив с начальством. Именно эта неумная болтливость послужила одной из причин, заставивших его жену сделаться затворницей. Ольга не доверяла своему мужу и не хотела одушевлять его рассказы. Аристотелю нужна была публика и ее восхищение или, на худой конец, сочувствие. Результаты, с которыми он прибыл в свой зрелый, сорокашестилетний возраст, совсем не совпадали с его грандиозными мечтами, и ему надо было выговориться и выплакаться. Иногда его секретарши и ассистентки проникались жалостью к нему, ненадолго поверив, что он велик, но несчастен и не понят, что жена у него фригидная стерва, и приглашали на чашечку кофе к себе домой. Аристотель изменял Ольге, мстя ей за то, что она умна и за то, что его таковым не считает. Совесть его за эти измены не мучила – он тут же о них забывал и представлял перед женой невинным, как младенец. Ему удавалось каждое утро рождаться заново и, так как в нем не гнездились прошлое, в нем не было ни загадки, ни содержания.

Аристотель был не только болтлив, но и лжив. Лгал он постоянно, даже тогда, когда лгать было глупо из-за очевидности лжи. Он лгал, потому что боялся. Любая правда, даже самая невинная, пугала его. Вероятно, когда-то, в детстве, его наказывали за правду и, с тех пор, правды Аристотель избегал. Навсегда оставшись испуганным ребенком, ему не хватало ума разбавлять правду толикой лжи, как делают все взрослые люди. Он изводил жену своей ложью. Тратя усилия, она пыталась доказать ему, что он лжет, но потом бросила. Он либо не понимал, что она говорила, либо не осмеливался принять себя таким, каковым являлся на самом деле, проживая не жизнь, а ложь. Аристотель был, также, вместилищем разных фобий и страхов, но никогда не задумывался над тем, что что-то в нем было ненормально. Он был кем-то или чем-то сильно избалован. Чем? Ленивой негой. Он хотел быть ... нет, не женщиной, но мужчиной, не обремененным мужскими обязанностями.

Итак, кого-либо, кроме себя, Аристотель не умел любить. Телец же умел и хотел любить, но он хотел любить только ту, которую считал достойной своей любви, с нужными ему взглядами и жизненными установками. Лютеция должна стать именно такой.

Войдя в гостиницу и побродив по холлу, Телец увидел Аристотеля. Тот уютно и грациозно устроился в мягком кресле в одном из закутков холла. В его руке был зажат стакан с янтарной жидкостью, вероятно, он пил виски. Телец обратил внимание на его пальцы, длинные и тонкие, даже слишком длинные и тонкие, как у пришельцев в фильме Спилберга. Его длинные, вьющиеся волосы цвета вороньего крыла, падали на плечи. Эта прическа не совпадала с корпоративным этикетом, но Аристотель стриг волосы не часто. Стрижка была одной из его фобий – он не мог переносить вида ножниц, мелькавших у его головы, ему казалось, что парикмахер непременно отхватит или кусок его уха, или носа, или воткнет ножницы ему в мозг. Тело Аристотеля было худым, развитой мускулатуры под костюмом не угадывалось, но строение его скелета было безупречным. Квадратные плечи, тонкая талия, узкие бедра и длинные, прямые ноги. Одежда на такой фигуре сидит великолепно, она мнется и заламывается складками только в нужных местах, и поэтому всегда выглядит слегка небрежно, а, следовательно, элегантно.

«Он, несомненно, красив, - подумал Телец. – Несмотря на то, что ему за сорок, неразвитость его ума сохранила его лицо юным. Любая женщина рядом с ним проиграла бы. Лютеция тоже. Поставь эту красавицу рядом, и она будет выглядеть как его разумная и занудливая старшая сестра».

Телец отошел за колонну и прижался к стене. Еще было время отступить, не начинать эту рискованную игру вовсе. Но игра стоила свеч: призом в этой игре была Лютеция, другая Лютеция – любящая и нуждающаяся в нем. Он продолжал наблюдать за Аристотелем. «Черта с два ты – Аристотель, - подумал Телец. – Целая толпа волочится по жизни с не правильными, чужими именами! Уж, скорее, Адонис, нет, Нарцисс! В несоответствии твоего образа и имени есть скрытая ирония. Разговаривая с тобой, я буду всегда улыбаться, и ты будешь думать, что нравишься мне».

Мы не только носим чужие, не правильные имена, мы играем чужие роли. На сцене играть других естественно, это действие хоть и забирает уйму сил, но делает способного актера великим. В жизни играть других рискованно, подчас, даже смертельно опасно.

Аристотель не видел Тельца, не чувствовал, что за ним наблюдают, он расслабился и предался собственным, Бог знает каким, не глубоким мыслям. Его поза, его внешность, выражение его лица – отрешенное и удовлетворенное, а,

также, окружающая обстановка, просились на обложку рекламного проспекта. Реклама беспечности и респектабельности. Глядя на него, никому не пришло бы в голову, что потребление – счастье неустойчивое и тревожное.

Аристотель был облачен в серую водолазку из тончайшей шерсти, темно-серый пиджак и черные брюки. На ногах у него были черные удобные ботинки, скорее всего, последняя саламандровская модель. На его запястье поблескивал браслет золотых часов. Цвет его одежды прекрасно гармонировал с его светло-кариими глазами, черными бровями и оливковой кожей.

Наблюдая за ним, Телец нутром почувствовал, что Аристотель не является ни азартным лидером, ни хорошим работником, ни кормильцем, на которого можно положиться, ни выдающимся любовником. Одним словом, он не был мужиком. Таких лелеют, обхаживают и балуют. В ответ на вашу заботу, как капризная и своенравная собачонка, он будет лизать вам руки, но чаще будет кусать ваши ноги. Вы скоро поймете, что любовь такой твари притворна, вы разочаруетесь и раздражитесь, но выбросить ее на улицу вам будет жалко.

Телец вышел из-за колонны.

- Я знаю о вас все, - спокойно сказал он.

Аристотель поднял глаза и увидел мужчину среднего роста, который стоял перед ним и обращался, вне всякого сомнения, именно к нему. Его подвижное, приятное лицо было означено умом и доброжелательностью.

- Я вижу вас впервые, - лениво ответил Аристотель. Ленивость искусно скрывала испуг.

- Я видел вас однажды, несколько месяцев тому назад. На приеме в посольстве. Вы были с женой. Единственный раз, когда я видел вас вместе.

- Она редко выходит. Когда же вы успели?

- Что?

- Узнать обо мне все?

- Мне не составило труда. Вы работаете в глубоком, но небольшом аквариуме. Вам нравится ваша работа?

- К чему этот допрос? Кто вы? Охотник за головами?

- Можно и так сказать. Однако, я не работаю на других, я представляю исключительно свои собственные интересы.

- Присядете? – Аристотель нервничал и старался быть вежливым. – Чего же вы хотите?

Телец помолчал, устраиваясь в кресле напротив.

- Хочу вам предложить кое-что. Вы уже без работы?

- Я быстро и неотвратно двигаюсь в этом направлении. – Аристотель вздохнул. Без сожаления. Ему было скучно проходить все тот же круг если не ада, то очищения от бывших профессиональных обязанностей.

- Я собираюсь сказать вам кое-что. Послушайте. Итак, несколько месяцев тому назад, точнее, в феврале, думаю, это было сразу же, после вашего приезда в Вену, я увидел вас с женой на приеме. Вы – удивительная пара, безусловно, красивая, притягивающая всеобщее внимание. Мое воображение было задето. Я решил узнать о вас больше. Именно о вас, ведь вы работаете, вы на виду. То, что я вам сейчас скажу, может обидеть вас. Простите меня заранее и не горячитесь, подумайте. Я осмелился прийти к выводу, что вы имеете то, чего нет у других: в вас есть некая червоточинка... Вы любите хорошо жить, но вы не любите работать. Труд вас не возбуждает, не приносит удовлетворения. Деньги и, как производная от денег, хорошая жизнь, по вашему мнению, просто должны у вас быть. Вы родились для хорошей жизни и то, что вы не богаты, трагическая ошибка.

- Вы оскорбляете меня, - Аристотель немного обиделся.
- Нисколько. Люди очень разные, непохожие друг на друга, и, в массе своей, испорченные существа. Что же оскорбительного в том, что вы родились не в той семье, не в той стране, не в том времени? Вы невинны. Виновен он, Бог. Он ошибся, вы расплачиваетесь.

Телец наблюдал, как лицо Аристотеля разглаживалось и преображалось, как глаза его теплели, как душа раскрывалась навстречу ему, незнакомому человеку. Стоило пожалеть Аристотеля, пробудить в нем ребенка, разрешить этому ребенку пожаловаться и приголубить его, как он оказывался в вашей власти, уже любя вас и доверяя вам.

На Аристотеля давно никто не обращал внимания. Он привык скользить по жизни, как водяной жучок скользит по воде, не оставляя следа. Ему не хватало тепла. Никто не ловил его с водной поверхности в ладошку, никто не обогривал, не баловал.

- Пытаетесь докопаться до смысла жизни? – Телец прервал молчание.
- Смысла жизни? – Аристотель очнулся от видения гладкой, прохладной поверхности воды. – Разве не очевидно, что смысл жизни состоит в одном?
- Вы как-то не радостно говорите о деньгах. Я, конечно, понимаю, что они вам достаются не правильно, не так, как вы того хотели бы. Но против самих денег, я надеюсь, вы не возражаете?
- Мне не нравятся деньги. Постепенно понимаешь, что деньги, а не Бог, обуславливают нашу жизнь. Без денег – смерть, без веры, но с деньгами, приличное существование.

Телец внимательно посмотрел на своего собеседника. Он был удивлен и удручен одновременно. Удивлен он был тем, что Аристотель разрешился неожиданной мыслью, почти философским умозаключением. Удручен он был из-за того, что Аристотель вдруг повернулся человеком верующим, а если это так, план Тельца осуществиться не мог.

- А вы – философ.
- Семнадцать лет жизни с Ольгой обязывают. Она не терпит банальностей.
- А вы не пытались восстать против ее разума? Объяснить, что вы другой. Что вы мягче, проще, чем она. Разумные люди обычно принимают других такими, как они есть.

- Ольга не разумная, она – умная. Это две разные вещи. Вы правы, разумный человек принимает мир и людей такими, какие они есть, умный пытается их переделать и изменить, не вынося бесполезных людей, ненужных вещей и бессмысленных разговоров.

Телец подумал о том, что независимый ум Лютеции можно и нужно укротить в разум, как бурные потоки водопада превращают в энергию. В энергию на благо. На благо ему, Тельцу. Вот он и станет ее единственным, талантливым укротителем. Эти размышления напомнили ему о собственной значимости и о его миссии. Тепло разлилось по его телу в ожидании интриги и того, что победитель был заранее ему известен.

- Вам неудобно с ней? – спросил он.
- Смешное в том, что нам обоим неудобно в нашем браке, но деться некуда. Пока мы вместе, мы как-то живем, существуем. Я работаю, у нее есть крыша над головой. Она не дает мне расслабиться, я в постоянном поиске нового места, всегда, правда, оказывается, что ненадолго. Уже бы давно плюнул на все, но от нее так просто не отделаешься.
- Вы противник однообразия?
- Я быстро теряю интерес и устаю.

- От чего?
- От каждодневности, от контроля, от подчинения, от корпоративных интриг.

«От всего того, где нужен ум», - отметил про себя Телец.

- От шелухи, чепухи и суеты, - закончил Аристотель.
- Вы верите в Бога? – Телец решил на свой последний вопрос.
- Нет, не верю. Когда-то верил. Жизнь легче не стала. Я бросил верить.

Вздыхнув с облегчением, Телец, тем не менее, медлил. Его идея, родившись некоторое время назад, успела полностью оформиться в его мозгу. Но он не решался на последний шаг. Ведь после того, как он предложит Аристотелю то, что задумал и тот, скорее всего, согласится, они втроем, включая Лютецию, встанут в освещенный круг и начнут игру. Они станут участниками ситуации, неразрывно связанной с будущим. Разрешение этой ситуации, ее уничтожение в пространстве, во времени и в их сознании, потребует определенных усилий от каждого из них. Он будет главным режиссером, знающим тайну, они же, Аристотель и Лютеция, должны будут импровизировать, их действия предсказать невозможно и, поэтому, они могут оказаться рискованными. Он втягивает их в игру, которая может разрешиться шуткой, а может закончиться смертью одного из героев. Что поделаться, Телец хотел, чтобы его любили.

- Итак, мое предложение вам.

Аристотель непроизвольно выпрямился в кресле.

- Я приглашаю вас к себе. У меня большой дом. Вы поживете там некоторое время. Может быть, пару недель, может быть, месяц. После этого вы свободны. Я хорошо вам заплачу. Целый месяц вы можете жить в свое удовольствие, подыскивая что-нибудь новое или не делая ничего.

- Но что-то я должен буду делать этот месяц в вашем доме? – в голосе Аристотеля прозвучало недоверие.

- Ничего, абсолютно ничего. Читайте книги, гуляйте в саду, спите допоздна.

- Мне трудно в это поверить. Зачем вам это нужно? Меня будут снимать скрытой камерой? Вы хотите скомпрометировать меня? Как насчет интимности?

- О, только самую малость. Понарошку и игриво. Вы же хороший актер! Вам понравится. Поверьте мне на слово, ваша честь останется не тронутой. Никаких камер. Я не могу раскрыть вам секрет, потому что он важен для меня. Могу вам только сказать, что вас это почти не касается, на вашем месте мог бы быть другой. Но, мне кажется, что ваше присутствие произведет большой эффект.

- Большой эффект? В доме будет кто-то еще?
- Никого, кроме меня. – Слукавил Телец.
- Для кого же эффект?
- Это неважно. Мне нужно, чтобы некто стал ревновать.

Телец выкручивался, Аристотель оказался не таким сговорчивым, как он предполагал. Выкручиваясь, он, как ни смешно, почти сказал правду.

- Я предлагаю вам поучаствовать в безобидной шутке. За очень хорошие деньги.

Аристотель задумался. Будучи ребенком, он любил игры. Ему хорошо заплатят. С работой все равно уже конец. Но что он скажет Ольге?

- Я не представляю, что сказать Ольге. Как объяснить целый месяц отсутствия?

- Предложите ей расстаться. Мне представляется, с ваших слов,

конечно, что она тяготится браком. Скажите ей, что через месяц вы предложите ей денег и оплатите ее переезд на другую квартиру. Словом, вы будете в состоянии оплатить расставание или развод, которого вы оба желаете.

Аристотель поднял руку, прикрывая лицо. Ему показалось, что внезапно подул свежий ветер. Ветер свободы. А, ведь и правда, он может предложить ей денег, отделившись от нее с достоинством.

- Она не поверит, что через месяц я снова появлюсь с деньгами.
- Я заплачу вам вперед. Расстаньтесь с ней прямо сейчас.
- Тогда обещанная вами сумма намного уменьшится, на что же я буду жить?

- Я заплачу вам больше. Какое у вас жалование? Уныло среднее или чертовски высокое?

- То, что уныло.

- Что ж, мое вознаграждение будет чертовски высоким.

Аристотель немного подумал, затем медленно произнес:

- Я не верю вам. Ваше предложение довольно странно. Но я согласен.

- Вам ничего не грозит. Считайте, что я предлагаю вам месячный отпуск на вилле со всеми удобствами. У меня, правда, нету бассейна за ненадобностью. Австрийские погоды не располагают.

Назначив переезд на следующую пятницу, а передачу денег на послезавтра, Телец распрощался и, довольный встречей, покинул Sacher.

* * *

Аристотель еще долго сидел в глубоком кресле в холле гостиницы. Он не думал о предстоящем предприятии, он думал об Ольге. Впервые за долгие годы его брака, кто-то произнес фразу о расставании. Произнес за него и он этой фразы не испугался. Все возможно. Расставание возможно и, в дополнение к получаемой свободе, он не будет тяготиться виной. У Ольги будут деньги, хотя бы на первое, довольно долгое, время. Она освободится тоже. Надо только суметь обо всем ей сказать. И непременно сегодня. Да, надо распрощаться прямо сегодня.

Аристотель покинул свой уютный угол в холле гостиницы. На улице шел дождь. Задрвав голову, он смотрел, как крупные капли летят на него из необъятной глубины темного неба. Вода была очередной фобией Аристотеля, он боялся воды с детства. В те дни, когда он нервничал или был не в себе, когда был угнетен не радостными предчувствиями, он совсем не мог прикоснуться к воде. Она казалась ему настолько холодной, что обжигала, заставляя его нутро содрогаться, а кожу покрываться ужасными красными пятнами раздражения, которые вполне могли сойти за ожоги. Инстинктивно, Аристотель задом, как рак, снова попятился к гостиничному входу. Он решил вернуться в холл, переждать дождь. Стоя на ковре, с мокрым лицом и волосами, он раздумывал об очередной выпивке. Шаря по карманам в поисках платка, чтобы обтереться, он неожиданно понял, что влага на его лице ему не мешает, а, напротив, охлаждает и успокаивает его. Вода на его волосах, каплями стекающая на дорожную ткань его пиджака, делала его счастливым! Он был под впечатлением разговора с Тельцом, ему пообещали денег, ему привиделась свобода и ничегонеделание! Он не хотел больше пить, он был достаточно пьян, он хотел иного, невозможного ранее для него, неслыханного. Аристотель хотел выговориться, но не на подушке у

секретарши, а на воле, и собеседником его должна быть стихия. Немая и могучая. А он будет жаловаться, паясничать, молиться и обвинять под струями дождя! Гроза очистит его, простит грехи, омоет. Обессиленный, он приползет к Ольге и скажет, что свободен. И что она свободна.

Аристотель быстрым шагом пересек холл гостиницы, вышел на лестницу и стал подниматься наверх, этаж за этажом. Пока не добрался до металлической двери, ведущей на крышу. Постояв немного в нерешительности, он толкнул дверь и ступил на крышу. Было темно, крыша была пологой, подобраться к ее краю было невозможно. Аристотель осмотрелся, как мог, и присев у кирпичной трубы, задумался.

Эйфория, отравившая его мозг, в связи с предстоящими переменами в его жизни, исчезла, прибитая холодными потоками дождя. Аристотель косился на край крыши. Ему показалось, что кто-то его толкает к этому краю, уговаривая покончить с бездарной глупостью, которой была его жизнь, раз и навсегда. Ну и что, что Телец пообещал ему денег? Ведь и они кончатся. И тогда что? Опять в круговорот какого-то идиотского танца, в конце которого он все равно не получит приза? И уже без Ольги. Господи, он ненавидел ее, она обзывала его дураком, он, что самое ужасное, верил ей, но без нее ведь осиротеет! Будет один, как страшно-то! Жизнь, эта жизнь, такая подлая штука! Зачем она выталкивает из уютной темноты утробы тех, кто не достаточно силен, чтобы жить, не дрожа от страха? Аристотель пополз было к невысокому бортику крыши, но остановился. Самоубийство на какое-то мгновение показалось привлекательным; он видел себя не столько распростертым на мокром асфальте, изуродованным и в крови, сколько в шелковом уюте плотно закрытого гроба. Раз! И все страхи позади. Но Аристотель был, в придачу ко всем своим фобиям и недостаткам, оптимистом. Любимой его фразой была абракадабра из трех слов: «Все будет хорошо». Иногда он ее переиначивал и она превращалась во фразу из четырех слов: «Все как-нибудь образуется». При этом, в смысле будущего образовывания, он надеялся даже не на Бога, и, конечно, не на себя, а так, ни на кого. Несмотря на свою боязнь воды, он представлял жизнь широкой и глубокой рекой, и она, жизнь, его куда-нибудь да вынесет.

Аристотель вернулся к трубе и прижался мокрой спиной к кирпичам. Его мокрые мысли снова прилипли к Ольге. Он стыдился ее презрения к себе, за это же ненавидел, и порой ему в голову приходили ужасные мысли об убийстве. Раньше, до встречи с Тельцом, он подумывал о том, чтобы прикончить ее, таким образом, избавившись от ее презрения. Избавить и ее от страхов, от унижения стать нищенкой на старости лет. Просто выгнать ее или оставить без средств он не мог, это была уж совсем низость, убийство же представлялось Аристотелю более милосердным выходом из создавшегося положения. «Ольга привыкла к хорошей жизни, за нее и цепляется. А невдомек, как эта жизнь достается. Притом, она стареет. Я вижу морщины на ее лице, меня от этого выворачивает наизнанку. Ее тело скоро начнет расплываться. Как до нее дотронуться?». Аристотель с удовольствием посмотрел на свои мокрые пальцы. Кожа на них была как у подростка – гладкая и упругая. Если бы Аристотель мог анализировать, он бы, рано или поздно, связал бы невинность своего ума со свежестью тела. Но ему не было дано.

Перед его мысленным взором предстал Телец. Неожиданный Телец, раздающий хлеба. Конечно, что-то в его предложении было не чисто, но Аристотель задумываться над этим не хотел. Его вполне устраивала поверхностная форма предложения – он живет месяц в доме у Тельца и получает за это деньги – если же задумываться, то первое благоприятное впечатление

исчезнет, появятся сомнения и тогда уж совсем тошно будет. И даже заветная фраза, что «все будет хорошо», не поможет. Когда начинаешь думать, невольно проявляешь себя, становишься заметным. А, засветившись, не успеешь оглянуться, уже кому-то что-то должен, обрекаешь себя на постоянную деятельность, появляется ответственность, надо... . Вот и тянет к уюту замкнутых мест. Аристотелю снова померещился дорогой, вместительный и, вместе с тем, уютный гроб.

Через день он получит деньги, много денег и сможет сказать Ольге «Прости и прощай». С облегчением и достоинством. Ему ни разу не удавалось соединять эти два состояния вместе. Но, минуточку, ей же надо будет отдать деньги! Не все, но большую часть. Может, он сможет сторговаться на меньшую часть, а то сам через месяц, что будет делать? Или вообще денег не даст. Скажет, что уходит и все, пусть крутится, как хочет. Не маленькая. Она, конечно, с таким презрением посмотрит на него, что мало не покажется. Тут бы и прикончить ее, чтобы совесть не отравляла. А, впрочем, бог с ней, уж больше, чем она отравила, яда не хватит. И за решетку не хочется, хоть и замкнутое место тюрьма, но позорное.

А он сам, видно, приглянулся Тельцу. Что бы тот ни говорил, но месяц в его доме просто так не пройдет. Видно, Аристотель понадобился Тельцу – мужчине зрелому, симпатичному, при деньгах. «Вот захотел бы он меня понять, - мечтал с вожделием Аристотель, - я бы изредка позволял ему проникать в мою душу, наблюдать грациозность моей души, ее неприспособленность. Лениость. Лениость ведь это самая совершенная форма свободы. Только надо, чтобы вокруг тебя кто-то суетился. Например, такой энергичный Телец. Нет, через месяц он меня не отпустит», - счастливо заключил Аристотель. Он отклеился от трубы, встряхнулся и направился к двери. Спустившись вниз, он вышел на улицу и, не обращая внимания на продолжающийся дождь, отправился домой.

* * *

Ольга сидела на диване и гладила кошку. Ей нравилось то, что должно было произойти вечером. Она объявит удивленному Аристотелю, что уходит. В то же время, ее волновал ее предстоящий поступок: во-первых, с Аристотелем, она прожила семнадцать лет, а, во-вторых, она не так хорошо знала мужчину, к которому собиралась уйти. Телец ей нравился, она была почти уверена, что сможет полюбить его. Он любил ее преданно, как любят редко или как любят в последний раз, он любил ее напористо, но, все же странно. Да, любил он ее как-то странно. Как будто хотел чего-то от нее, как будто ее, такой, как она есть, ему было мало. Он толкал ее совершить не то подвиг ради него, не то пожертвовать чем-то или кем-то. С собой, например. Тельцу хотелось не то большего в ней, не то другого. «Он хочет, чтобы я его любила так же, как он любит меня. Какой мужчина не хочет быть любимым ответной любовью? Но я не могу любить страстно и привязано. Для меня любовь, это, прежде всего, свобода».

Ольга переменяла позу на диване. Кошка на ее коленях даже не пошевелилась, зная, что Ольга, как бы ни ворочалась, всегда устроится удобно и для кошки. В голову лезли мысли о любви, о которой Ольга имела неполное представление. До сих пор, она сама пыталась любить, но ее не любили. Телец первый предложил ей неведомый для нее тип любви – разговорчивый, настырный и всепроникающий. Он не оставлял ее одиночеству места, заполняя все пространство вокруг нее узнаванием, обожанием и говорильней. Если бы она была щенком, он бы ее просто затаскал. Она бы умерла под напором его ласк. А, если так, куда же она собралась? Уж не лучше ли с Аристотелем, с которым она, по крайней мере, свободна? Да нет же, откуда свобода? Она зависит от каждого

поворота его жалкой судьбы, она каждый день как на раскаленных углях, даже во сне ей сняться кошмары о том, что она стара и бездомна.

«И я продолжаю обслуживать его!» – женщине стало жалко себя. Она с новой силой почувствовала свою ненужность. «Аристотель не сумел вернуть мне любовь», – слезы струились по ее щекам. Ей было жалко прожитых лет, в течение которых она была не нужна ему. Ее работой была дряхляющая годами, ничем не вознагражденная забота. Ей очень не хватало ответной заботы. Это все равно, что пробиться к Богу и в ответ уловить его равнодушие. Возвращаемое супругом тепло, гораздо лучше, ценнее, чем твой собственный труд, затраченный в браке. Отдаешь с любовью, которая со временем становится привычкой, перестаешь замечать, что делаешь для мужа. Но, вот если что-то, самая малость, делается для тебя, укрепляется дух и чувствуешь радость. Ты нужна, ты небезразлична. «В чувствах двух людей, – думала женщина, – должен быть диалог, а не два монолога, или монолог и молчание. Когда чувства и мысли, желания и забота одного проникают в другого, когда для этих чувств и желаний нет барьера, когда они возникают и растворяются в другом естественно, без насилия, есть гармония. Тогда испытываешь необходимость в полюбившемся тебе человеке. Опять же, как в случае с Богом. Этот, другой человек тебе необходим, ты направляешь к нему поток своих чувств, свою любовь. Если же он как кусок дерева, твоя необходимость остается невозвращенной. Сначала обидно, но потом, в вакууме одиночества творишь свободу. Становишься самодостаточной и даже успокаиваешься: никто не предаст и не обидит, потому, как и то и другое уже произошло».

Женщина продолжала плакать, теперь уже навзрыд. Она переживала драму. Не получив любви от мужчины, которого называла мужем, она не готова была принять ее от того, кто эту любовь ей сейчас предлагал. Любовь Тельца была ненужной, без нее можно было обойтись. Его любовь грозила неизвестностью, делая женщину уязвимой. В ее душе просто не было почвы, чтобы посеять и взрастить эту любовь. Она пугала женщину, душила ее, ужасала ее тем, что она станет до такой степени кому-то нужна, что потом уже не отвяжется. «А мне не любовь нужна, мне деньги нужны на мое одиночество!» – завопила она. Кошка проснулась и просунулась к самому лицу женщины, защищая ее от невидимого горя. Почувствовав боль, кошка стала лизать мокрые щеки своей хозяйки. Шерсть на ее мордочке намочила от слез, но она не уходила. Женщина прижала кошку к груди и, продолжая рыдать, теперь уже от безмерной любви к животному, которую она отдавала естественно, щедро, без сомнения и страха, так, как не могла отдать или принять от человека. Она ценила кошкину привязанность, потому что понимала природу ее привязанности, которую мы называем любовью. Животные любят без правил, без задних мыслей, без опасения не получить любовь в ответ. Любят, как могут, как умеют. Без условий. В животной любви есть простота и сложность одновременно. Простота в наивности и щедрости их чувства. Сложность в необеспеченности их любви, ведь совсем не обязательно, что человек, приобретя кошку, будет любить ее.

«Если мне придется расстаться с кошкой, – решила женщина, – я ее усыплю. Мне будет легче знать, что она мертва, чем думать, что она мучается и тоскует, не получая любви, к которой привыкла». Холодными ночами кошка приходила и ложилась на ноги женщины, той было не удобно, но она старалась не шевелиться, боясь лишней раз потревожить кошку. Небольшое тельце согревало ее, она была благодарна. И, хотя, по утрам, она часто просыпалась с затекшими ногами, ей никогда не приходило в голову прогнать свою кошку с постели. Они

жили друг для друга, их любовь переливалась друг в друга, не встречая препятствия, в равных частях, без зависти и страха.

«Вот так же хочет любить и Телец! Что же я думаю? Между чем и чем я выбираю? Равнодушием и неминуемой нищетой, и любовью с достатком? Я должна решиться. Я переезжаю». Ольга вытерла слезы, поднялась с дивана и услышала звук поворачиваемого в замке ключа.

Через минуту она увидела насквозь промокшего Аристотеля. По сравнению с его жалким видом, тяжелая, удушающая любовь Тельца показалась благом.

- Тебя выгнали? – спросила Ольга.

- Нет, еще нет, а что? – Аристотелю очень хотелось рассказать Ольге о том, кого он встретил в гостинице и о чем они говорили, но, как всегда, правда с языка не шла. Он будет снова врать.

- Знаешь, Аристотель, я уйду, - просто и устало выговорила Ольга. - Тебе жаль?

- Нет, да что ты, конечно! Конечно, жаль. Я не понял, не поверил сразу.

- Неважно, я встретила человека. Переезжаю к нему. Он меня любит.

- Откуда ты знаешь? – Аристотелю было трудно поверить в то, что кто-то отважился любить его жену.

- Что ты имеешь в виду? Меня невозможно любить?

- Трудно, но не в этом дело. Значит, вы давно встречаетесь?

- Я не буду рассказывать. Не хочу. Кто он да что он, тебя не касается. Я решила от тебя уйти, это главное. Разве ты не чувствуешь облегчения? Ты же просто терпел меня все эти годы. Терпел и изменял.

- Ты знаешь? – с циничной небрежностью спросил Аристотель.

- Все знают. Скажи, что ты чувствуешь? Что-то же ты должен чувствовать.

- Это неожиданно, я еще не знаю, что чувствую.

- Ну, хорошо. А как ты будешь? Как справишься сам? Ведь ты ничего не умеешь делать.

- Ты кошку заберешь?

- Конечно.

- Тогда нет проблем. Меня пригласили в гости на месяц. Я поживу там.

- А потом? Хотя, нет, постой, не отвечай. Мне все равно, как ты будешь потом. Это я по привычке спрашиваю. Я хочу знать другое. Неужели тебе действительно не жалко наших жизней? Нам обоим уже под пятьдесят, но ведь не получилось же, не получилось, Аристотель! Что-то же должно быть сказано после семнадцати лет нашего брака!

Аристотель упрямо молчал, как ребенок, от которого требуют непонятно что. Они оба стояли посреди комнаты, на ковре, проигравшие свой брак люди. Ольга содрогнулась и отошла от своего мужа. Ее забирали в любовь и достаток, он оставался здесь, в этой квартире, ни с чем, без будущего. На мгновение ей показалось, что его незавидное положение заразно. Отойдя от Аристотеля на приличное расстояние, она немного успокоилась, ей не хотелось перед судьбой, или перед чьими-то еще невидимыми глазами, отождествлять себя с неудачником. Но с безопасного расстояния ей стало жаль его. Ее славянская душа смутилась жестокостью ее разума, тихо спросив, не стоит ли попробовать снова. Может статься, Аристотель изменится, внезапно поумнеет и все будет хорошо. Смешное в том, что Аристотель подходил женщине, иначе она не вышла бы за него замуж. Не любя ее, будучи к ней безразличным, он не стеснял ни ее ума, ни свободы.

- Если ты будешь месяц гостить где-то, заплати за квартиру. Мы и так

должны, хозяйева будут недовольны.

- Ты заберешь вещи?
- Я заберу свои вещи, я люблю свои вещи.

Женщина поняла, что проиграла. По двум причинам. Во-первых, потому, что ей все еще хотелось броситься ему на шею и начать покрывать поцелуями его красивое бездушное лицо. Во-вторых, потому, что он ничего не сказал ей. «Прости меня. Ты была прекрасной женой, а я, дурак, не смог оценить». Что-то вроде этого, но молчание с его стороны было ее поражением. После семнадцати лет он отпускал ее без единого заботливого слова. В ее прекрасных серо-зеленых глазах появилась грусть, которую сменила сначала злость, а затем жестокость.

Аристотель, так и стоявший в мокром костюме посреди комнаты, на ковре, смаковал свою удачу. Он не мог поверить, что все деньги так легко достались ему. «Спросить или не спросить, нужны ли ей деньги? – рассуждал он нехотя и как-то слабо про себя. – Если уходит к другому, значит, деньги не нужны. Куда-то идет, не на улицу же. А, если, все-таки нужны? У нее ведь ни копейки. Если я спрошу, могу сейчас отделаться сотней-другой, а не спросить уж совсем плохо будет».

- Тебе деньги нужны? – наконец выдал из себя Аристотель. Жестокость в глазах женщины растаяла. Она рассмеялась. Смеялась она потому, что не знала, что ответить. Столько лет без денег, в долгах как в шелках, а тут ради такого праздника и деньги нашлись. Ну и Аристотель!
- А деньги откуда? – спросила она.
- Послезавтра премию дадут.
- Премию? Тебе? За что?
- Да не только мне. Всем. Многим.
- Врешь. Не надо. И денег мне не надо. Нам теперь с тобой в разные стороны, дорогой.

Ольга повернулась и вышла из комнаты. Укладывая вещи в чемоданы, она крикнула своему мужу, что уезжает завтра.

ЧАСТЬ 4.

Лютеция уже несколько дней жила в доме Тельца. Вилла, купленная им, находилась в Видене, в районе, который был самым лакомым кусочком для денежных мешков. Располагался этот район к югу от центра города и был средоточием прекрасных жилых строений, исторических и культурных достопримечательностей, дорогих магазинов и изысканных ресторанов. Тельцу, правда, с домом не особенно повезло: он купил его у четы средних буржуа, построивших этот дом в шестидесятых, вскоре после войны. Тогда только входил в моду цемент и минималистская архитектура, использующая цементные блоки как главное украшение здания. Дом был также грубо сработан изнутри. Все просто, прямоугельно и грубо. Душе негде ни полетать, ни спрятаться, ни поиграть в прятки с настроениями. Телец этого не понимал. Он все хвастался домом, называя Лютецию его душой. Он мечтал о Рождестве, об уюте, о подарках и любви. Она же искала в этом огромном доме и не находила души, с которой могла бы породниться. Вероятно, все дело было в том, что дом был не старый, в нем не было прошлого, культуры и приведений. В нем не было пыльных углов,

чуланов и старых портретов на чердаке. В доме не было тайны, но он стоил много денег, и его можно было преобразить в нечто, что содержало хотя бы интригу стиля. Однако Лютеции не хотелось этим заниматься, во всяком случае, сейчас.

После переезда в ее душе открылась рана, она скучала за Аристотелем. Помимо своей воли, она постоянно сравнивала с ним Тельца. Она не могла отогнать от себя образы: Аристотель представлялся ей одним из тех крокусов, которыми она любовалась ранней весной на клумбах у кафе Diglas. Волнуясь о том, что он делает сейчас, она понимала, что их неудавшаяся семнадцатилетняя совместная жизнь не была его виной. Просто некоторые люди не могут быть как все, потому что рождаются такими вот крокусами, нежными, чувствительными, с душой, как серединка закрытого цветка, оберегающего себя от холода. Темная, теплая, округлая, полая серединка – прибежище надежд, радостей и отчаяний. К сожалению, ни мысли, ни знания, ни опыт в такой душе не гнездятся. А Телец напоминал ту оранжерею, которая ей однажды привиделась. Она думала, что неплохо было бы построить оранжерею за домом. Ее воображение нарисовало эту оранжерею с высоким стеклянным куполом, с рядами ящиков, наполненных землей, в которых стройными рядами росли блекло-серые грибы, и ее саму, в толстой шерстяной юбке с ножом в руке. В душе Лютеции не разгоралась любовь. Вспыхнув в начале весны, в тот день, когда она и Телец ели суп с мадерой, любовь упорно отказывалась разгореться в пламя. Несмотря ни на что. Ее славянская душа тянулась к крокусу, а не к шампиньону.

Тем временем, Телец уже перевел приличную сумму на ее счет в банке, сказав, что хочет, чтобы она чувствовала себя спокойно и свободно. Сказал также, что дом в ее полном распоряжении, как и он сам, а также его любовь и доброе расположение к ней. Сделав и сказав то, что с его точки зрения, было правильно, он стал ожидать любви от Лютеции, приготовив обстоятельство, которое обнаружит и выпестует ее любовь.

Лютеция, оценив его щедрость, спрашивала себя, за что можно полюбить мужчину в ее возрасте, когда гормоны уже не беснуются, как прежде? За деньги, за ум и щедрость, а, также за чувство юмора, отвечала она себе. У Тельца было все, может быть, чувства юмора не хватало, но это можно было наверстать. Он слишком много разговаривал с ней, слишком внимательно слушал ее, как ученик в начале учебного года, когда еще есть желание и силы внимать учителю. Ей должно было быть приятно, а Лютеции не любилось, и она старалась меньше думать о своем не народившемся чувстве. Переехав к Тельцу, она поддалась настоятельной необходимости сбежать от нищеты, перестала сопротивляться и искать то, чего ей больше всего хотелось – одиночества. Она разрешила обстоятельствам убедить себя. Однажды Лютеция слышала фразу: «Страна и семья – не наш выбор, дружбу и замужество выбираем мы сами». Как все крылатые фразы, она была глупой и выпренной. В ее случае была уместна другая фраза, гораздо более верная в реальной жизни: «Выбора у меня не было. Что мне оставалось делать? Я подчинилась обстоятельствам».

Ей не нравилось подчиняться и не иметь выбора. Она всегда думала, что, если жизнь не предлагает выбора, значит, бог покинул тебя. Для успокоения она попыталась изобрести некий взгляд на вещи, который невольно соприкасался с Аристотелевским: «Все будет хорошо». «Говорят, что ни делается, делается к лучшему, - рассуждала Лютеция, - в том смысле, что делается не тобой. Или не только тобой. И не только обстоятельствами и людьми, а кем-то еще. Говорят, каждый проживает свою судьбу. Понять, что означает судьба, то есть predetermined жизненные повороты, можно лишь оглянувшись назад. Лет,

эдак, на пятнадцать-двадцать. Вспомнить и проанализировать, как оно все получалось тогда. А, вспомнив, понимаешь, что и это случилось к лучшему и это произошло, слава богу, как надо, а этого, чего так жадно хотелось, совсем не случилось, что тоже, в конце концов, оказалось к лучшему. А ведь тогда, пятнадцать лет назад, все происходящие в жизни события виделись по-другому, казались неудачными, несчастливыми и почти трагедией. Вот так: всегда надо подождать и не торопиться с выводами».

Идя на поводу у обстоятельств и, скучая за бездарным Аристотелем, Лютеция, тем не менее, не переставала делать усилия. Каждый день с утра она выходила в сад, брала из сарая ножницы с длинными и острыми концами и подстригала кусты, придавая им причудливые очертания. Можно было бы нанять садовника, но ей хотелось понемногу привести сад в порядок своими руками. Постепенно это вошло в привычку, а привычные дела по дому или по саду, повторяющиеся каждый день, означают, что пущены корни. Стоило также задуматься над тем, чтобы пустить корни в отношениях с Тельцом.

Чтобы сблизиться с ним, она предложила и ему повозиться в саду. Телец тут же согласился; сгребая старые листья, он получал удовольствие от физического труда, его здоровое тело напрягалось и ему хотелось напрячь его даже больше, дабы почувствовать эластичность мышц и сухожилий, и крепость костей. Он орудовал граблями, радуясь, что жизни осталось впереди еще много, и сейчас пришло самое время ею насладиться. Он с удовольствием посматривал на женщину, с которой собирался прожить остаток жизни, отмечая про себя, что она, работая в саду и каждое утро подстригая кусты, уже успела завести себе привычку в его доме. Вот и сейчас, Лютеция делала клумбы на тех местах, где уже не было листьев. Она обкладывала круги и полукружья земли камнями, принесенными с пригорка, а затем, на огороженных участках делала углубления. Заранее были закуплены на цветочном рынке клубни, и женщина, стараясь не перепутать, поочередно брала из каждого мешочка клубень нарцисса, тюльпана или ириса. Ей хотелось посадить дельфиниумы и гладиолусы, но было рано для этих цветов, и она с удовлетворением думала, что сделает это через месяц.

Телец закончил сгребать листья, и присел на корточки рядом с Лютецией, взявшись ей помогать. Достав клубень из одного мешочка, он сказал:

- Нарцисс, как твой муж.
- Мой муж?! – от удивления Лютеция выронила садовую лопатку.
- Да, твой муж. На днях случайно видел его в гостинице.
- Нарцисс? – Повторила Лютеция. – Ты прав, ему очень подходит это имя.

Ты как будто собираешься насадить клумбу людьми? Я – Лютеция, мой муж – Нарцисс. А ты?

- А я – гриб-боровик, - вдруг сказал Телец.

Лютеция удивилась, но промолчала. Ночью она не спала, думала. Сон не приходил из-за усталости. Нароботавшись в саду, она дрожала, но вспоминала день с удовольствием – привели сад в порядок, размяли кости, растянули мышцы, надышались воздухом. С непривычки все тело ныло, боль заставляла мышцы дрожать, но все равно было хорошо от сознания сделанного большого дела. Вывезли столько разного мусора, сорной травы, листьев, которые накапливались годами, еще со времен прежних хозяев. Но сделали. Под ночным весенним небом сад стоял чистый, вымытый, напоенный водой и украшенный новыми клумбами с цветами. Внезапно подул ветер, колыхнув занавески на балконной двери. Лютеция поняла, что меняется погода. И это было к лучшему: немного похолодает, а то дни стояли не по сезону жаркие. Продолжая лежать без сна, она дождалась первых капель дождя, а потом грянул ливень.

Лютеция настояла на том, чтобы спать отдельно, каждый в своей спальне. Сон был делом частным для нее. Заниматься любовью, одно, а спать – совсем другое. Во сне человек расслабляется, сбрасывает покровы, раскрывается, как морская раковина во время прилива. Во время сна человек должен быть один. Накопленная за день усталость улетучивается, вместо нее телом и мозгом всасывается энергия, которая будет растрочена завтра. Если есть таланты или способности, они тоже, как мешочки с водой, наполняются новыми образами и новыми идеями. По ночам приходят мысли, которые предназначены только тебе. Другим, даже самым близким людям, их нельзя слышать, да и не надо. Ночи принадлежат каждому человеку в отдельности, их красота, а также глубокая тайна, связанная со сновидениями, должна оставаться частным владением. Если же всю ночь кто-то рядом дышит, возится и храпит, мучаясь своими снами, ты сама встаешь утром измученной и разбитой. Твоя усталость никуда не делась, ты обменялась ею со своим напарником по ложу. Мысли тоже не приходят в общую спальню, и наутро ты пуста и раздражена. Никто, даже самый прекрасный любовник или преданный муж, не стоят того, чтобы открыть им доступ туда, где по ночам ты возвращаешь себе себя.

Как бывает довольно часто бессонными ночами, мысли крутятся вокруг жизни, которая уже прошла. Вороша старое, Лютеция вдруг поняла, что не может осознать себя в своих воспоминаниях. «Я помню события, людей, лица, пейзажи и интерьеры, - думала она. – Я помню разговоры и обстоятельства. Я помню себя постольку, поскольку я участвовала в том, что я помню. Но я не могу прочувствовать, что я, дышащая, смотрящая в темный потолок, слушающая шум дождя, одним словом, живущая сейчас, сию минуту, - это та девочка, или подросток, или молодая женщина, которая делала то-то и то-то, говорила то-то и то-то, которая рожала, которой было больно, которая плакала, смеялась, занималась любовью, переживала, боялась. Все прошло бесследно, без продленных в настоящее ощущений. Из прошлого нам дано сохранить в воспоминаниях факты, но не чувства. «То, что осталось позади сегодняшней ночи, принесло свои плоды. Я частично достигла того, чего хотела. Но, как будто достигнуто это было не мной! Почему так?»

Лютеция поднялась с постели и подошла к балконной двери. Дождь хлестал по оконным стеклам. Может быть, именно в такую ночь и хорошо было бы прижаться к теплому Тельцу, но ей надо было подумать. «Проживая свою жизнь именно так, - она продолжала рассуждать, настаивая на том, чтобы докопаться до истины, - не чувствуя связи с прошлыми ощущениями, видя себя как бы со стороны, мы теряем куски прожитой нами жизни безвозвратно. Мы помним, что случилось нечто, мы помним, что мы чувствовали тогда, но мы не можем возродить в себе именно те чувства сейчас. Это потому, что в тех прошедших эпизодах меня уже нет, есть только мой внешний образ, моя оболочка, которая никак не соединена с моей теперешней, живой и теплой. В них нет души, душа во мне, сейчас. Мы живем в собственных воспоминаниях мертвецами. Девочка, которой я когда-то была, мертва, мертва и девушка, и молодая женщина. Когда приходит наш час, они не умирают все вместе в одном человеке, как принято думать, и ребенок, и подросток, и молодая женщина, умирает только наше старое тело и наше старческое «я»; все остальные уже давно мертвы. Но нам, слава богу, дана память».

Ее прошлая жизнь представилась ей мертвой зоной с засушенными фактами и людьми. Эта жизнь представилась ей плоской. И вдруг, ей пришло в голову следующее: «Прошедшие годы кажутся мне годами из моего же собственного будущего. Моя последующая жизнь не повторится именно так,

день в день, событие в событие. Наше существование имеет много пластов. Верхний, самый последний пласт, моя теперешняя жизнь, после моей смерти будет «отдыхать», как земля отдыхает под паром. А на одном из нижних пластов, на уже «отдохнувшей» живительной почве, будет создана моя новая жизнь, с новыми людьми, событиями и разговорами. Но что-то мне вдруг напомнит лица и события из другого, отработанного и засушенного пласта. Редко, но бывает, нам вдруг почудится, что эту фразу мы где-то уже слышали или это лицо знаем, или предчувствуем, что именно произойдет в следующую минуту, и происходит именно так, как мы себе представляли. Это, кажется, называется, *deja vu*. Когда совпадают или повторяются ситуации из разных отработанных пластов, испытываешь пронзительное, тревожное чувство, как будто летишь со скалы вниз в бездну, туда, где нет у пространства границ, ни временных, ни мерных – это Вселенная. Мы проживаем, оставляя позади нашу будущую жизнь».

Испугано всматриваясь в темноту, в которой мельтешили лиловые, синие и черные капли дождя, она продолжала гадать, что же есть смерть. Ей хотелось надеяться, что ее будущая жизнь не будет включать некое подобие ее теперешней, в этом чувствовалась уязвимость. Прежде, чем повторить свою теперешнюю жизнь, женщина хотела ее хорошенько забыть. Что же наша жизнь тогда? Накладывающиеся друг на друга пласты, где каждый «отдохнувший» живительный пласт – награда за правильно прожитую жизнь, а если не удалось стать лучше в твоей теперешней жизни, отпечатываешься на тот же пласт снова. А если сознательно творил зло, тогда все, начинаешь сначала, возвратившись к самому первому пласту, где все стерто, мертво и затхло, где прожитую тобой, давнишнюю жизнь, уже давно ничего не напоминает, а лишь отпечатки смерти повсюду, где ощущаешь себя одиноко, далеко и нигде; откуда до света, тепла и разумной жизни несколько сот, а то и тысяч лет.

Лютеция вскарабкалась на кровать. Ей было тоскливо и страшно одной. Накинув халат, она босиком бросилась бежать к Тельцу. Разбудив его, она прижалась к нему, и, разгребая для себя место, стала говорить о том, что надумала, глядя в дождливую ночь.

- С тобой хорошо разговаривать, - заключила она сонным голосом. – Ты не соглашаешься и не споришь со мной. Ты слушаешь. Может быть, в конце концов, ты мне нужен.

Телец знал, что становится ей нужным. И стоит ли уже заводить с его рискованным и трудновыполнимым планом? Все и так сложится. Зачем же настаивать, чтобы она полюбила его через потрясение, через очевидность того, что может потерять его? Но было уже поздно. С другой стороны, Телец был уверен, что она поймет, разгадает его план и сыграет свою роль безупречно. Засыпая, он тихо сказал Лютеции, что решил заняться ремонтом. Завтра придут рабочие, начнут вывозить мебель, и ей не надо ходить в восточное крыло дома.

* * *

Проснувшись на следующее утро в своей спальне, Лютеция подошла к зеркалу. Лицо свое она хотела увидеть намеренно: всю ночь, почти до весеннего, трепетного рассвета, Телец любил ее. Впрочем, нет, это была не любовь, а, тем более, это был не секс. Он обладал ею, покорял ее, устанавливал свою власть над ней, нежно, но настойчиво. И все это в ответ на ее давешние откровения. Она

несла ему мысли, сомнения, догадки, страхи, он же все это присваивал, укладывая ее под себя, обнимая и лаская ее. Лютеция была духовным началом, Телец – материальным. «Материальное перевесит духовное, не так ли?», - Лютеция невесело усмехнулась. Ей казалось, что ее славянская душа не долго вынесет американского напора, сломается. С другой стороны, ее отражение в зеркале радовало глаз: лицо женщины сияло, было молодо и напоено соками, в глазах светилось удовлетворение и некое подобие счастья, черты лица и морщинки были ленивы и расслаблены. Спутанные пшеничные волосы живописными прядями падали ей на плечи. Если бы ее внешнее состояние совпадало с внутренним, она достигла бы гармонии, и сказка состоялась бы. Стены дома, в котором начинался ремонт, рухнули бы сами собой, на их месте появился бы старинный дом и вишневый сад. А принц, то есть Телец, на крепком гнедом жеребце в ковбойской шляпе, с сигаретой во рту и лассо в загоревшей крепкой руке, испарился бы за ненадобностью. Но состояния не совпадали, и Лютеции пришлось придумывать оправдание. Оправдать она должна была или подавленное внутреннее состояние, или полное жизни, неги и удовлетворения, внешнее. Она решила в пользу внешнего, стараясь поднять Тельца в обстоятельствах и собственных глазах. «Стареть вдвоем гораздо лучше, - подумала она, - не так страшно. Каждый является отражением другого, нету комплексов и шока неузнаваемости по утрам. Кто-то любит твое стареющее лицо или претворяется, что любит. Но это не так важно, потому что в последней четверти жизни уже ничего не меняют. Телец прикроет меня от ужасов грядущих лет, защитит, успокоит и выслушает».

На глазах у Лютеции появились слезы. Мягкая, нежная женщина, трогательная и забавная, нашедшая того, кто встанет стеной между ней и старостью, набросив на увядающие годы покрывало любви и благополучия. Она представила себе сценку: Телец делает ей предложение. «Ты могла бы выйти замуж, - говорит он». «Как? Кому я посмела бы сказать: «Эта слабая, слабая, мягкая, беззащитная женщина нуждается в защите от грядущих лет?» «Скажи это мне». «И что ты ответишь?».

Ответ она знала. Да, да, да. Телец хочет, чтобы она принадлежала ему, чтобы любила его, чтобы одушевила этот дом.

Оттолкнувшись от благополучных видений, ее мысли нащупали Аристотеля. Ее сердце сжалось, ей было жалко его, как бездомного пса. Что-то он делает сейчас? Она боялась расстаться с Аристотелем, потому что ей не на что было расстаться с ним. Она тянула этот брак как давно потерявшую упругость резину, согласившись перебиваться от катастрофы до катастрофы, сегодня густо, завтра пусто, превратив себя не то в домашнее животное, не то в предмет мебели, который входит в перечень того, что принадлежит дому и, в случае переезда должно быть упаковано. Ах, этот Аристотель, этот бездомный пес, не давал ей успокоиться компромиссом. Уж если не обеспеченное одиночество, о котором она мечтала, то хотя бы спокойная, размеренная жизнь с Тельцом без занозы в мякоти мозга.

Лютеция накинула халат и пошла в ту половину дома, где должен был начаться ремонт. Было раннее утро, грузчики еще не приехали, и Лютеция решила осмотреть мебель, готовую к вывозу. Она надеялась найти что-нибудь стоящее, красивое, старинное, ценное и, отставив этот предмет в сторону, сохранить его. У нее совершенно вылетело из головы предупреждение Тельца о том, чтобы она не ходила на эту половину дома. Проходя мимо одной из комнат, через толстое стекло дверей она увидела Аристотеля и Тельца. Ее последней мыслью была жалость, связанная с Аристотелем, и на минуту женщина подумала,

что сошла с ума. Но галлюцинации были слишком реальны. Аристотель и Телец были оба в пижамах, сидели за столом, уставленном чашками с дымящимся кофе и подносами с булочками, и мило улыбались друг другу. Телец протянул руку и нежно погладил Аристотеля по щеке, а потом приподнялся и поцеловал его в губы. Поцелуй был не долгим, но не безразличным. Лютеция вернулась и снова проделала тот же путь в десять шагов. Галлюцинация не исчезла, напротив, теперь она услышала их голоса. Прикинув лицом к толстым стеклам двери, многократно дробящим видение, она смотрела на предательство.

«Он все-таки предал меня», - что-то радостное проснулось в ее душе. Возбуждение тут же сжало сердце и яркой молнией осветило мозг. Ее ум стал функционировать.

Тут мы должны сделать оговорку. Несмотря на выдуманные, но захватывающие сюжеты некоторых кинофильмов и романов, где практически все герои обладают сверхъестественной проницательностью, позволяющей им предсказать поведение противника, реальный человек очень редко может разгадать намерения другого. Мы – не герои, мы – обыкновенные люди и, поэтому, редко или почти никогда не догадываемся, почему другой обыкновенный человек поступил именно так, а не иначе. Нам не всегда под силу разгадать чужие планы или. Мы не можем предотвратить действия другого человека, если ничего о них не знаем заранее. Мы не можем проникнуться пониманием. В реальной жизни чудес из детективных сериалов почти никогда не случается.

Лютеция умела думать и любила анализировать, но не могла понять, зачем, зачем в доме оказался Аристотель? И почему он завтракал с Тельцом? И почему оба были одеты в пижамы и так мило улыбались друг другу? И зачем Телец полез целоваться? Если начать разматывать эту цепочку, то поначалу получится просто: если уж Аристотель оказался в этом доме, то почему бы ему не завтракать с Тельцом? А если они завтракают, то почему бы им обоим не быть одетым в пижамы, ведь утро весьма раннее? Но это аналитическое упражнение не дает ответа на главный вопрос: почему Аристотель здесь? Что это, шутка Тельца, его шарада, закодированное послание? Тщательно спланированное издевательство? Или просто предательство? И знает ли Аристотель, что он целовал того, к кому ушла его жена?

Лютеция вернулась в свою комнату, заперла дверь и попыталась думать. Мысли, правда, были заблокированы одним ощущением, которое, как сильное обезболивающее, парализовывало функции. Ощущением этим был страх. «Я боюсь жизни, - бормотала Лютеция. – Боюсь завтрашнего дня. Собака, которая бежит на воле сегодня, завтра попадает в петлю, а послезавтра на живодерню. Но сегодня она не знает, что с ней случится завтра. Такая непредсказуемость, как черный занавес перед завтрашним днем. Мы не знаем, не догадываемся, не чувствуем, что таит в себе завтра. Это незнание, непредвидение рождает обреченность, страх, панику. Вчера я ничего не подозревала, как слепой котенок, спала, пригревшись, в его кровати, а он уже все знал, уже все спланировал».

Что же он спланировал? Возвращаясь к предательству, в голову приходит только одна версия – Телец развратник. Натешился с нею, теперь хочет того же с ее мужем, или, не приведи господь, втроем. Чтобы высмеять ее или обоих. Но, если об Аристотеле она и могла временами думать, что он и нашим и вашим, то о Тельце ведь такого не скажешь. И потом, если мишенью для осмеяния была она, то любой мужчина мог быть приглашен для этой цели, а совсем не обязательно Аристотель. Если отбросить мысли о сексе, как несостоятельные – но как же их отбросить, если она видела поцелуй – то возникает опять все тот же вопрос:

зачем Тельцу понадобилось приглашать Аристотеля, к тому же, как проговорился сам Аристотель, на целый месяц? Взять хотя бы вчерашнюю ночь, часть которой она провела с Тельцом. Значит потом, когда она ушла, он развлекался иначе. Ночь, полная любовных утех на любой вкус. Что удивляться, она сама рассказывала ему о несчастных, которые меняют сексуальную ориентацию по нескольку раз на день. Вот он и сделал, как она говорила. Любые средства оправдывают цель. Но что за цель?

Лютеция застряла с рассуждениями. Почти всегда реальная жизнь отставала от ее фантазии. Она представляла события и людей лучше, красочнее, умнее, занимательнее и драматичнее, чем они оказывались на самом деле. На этот раз, первый раз в ее жизни, обстоятельства, сложившиеся вокруг нее, поставили ее в тупик. Красочней уже было некуда. В голову пришли строки из недавно прочитанной книги Симоны де Бевуар. Что-то вроде того, что все в этом мире может быть знаком, указывающим на что угодно: наша неповторимость заключается в поиске фактов, которые являются банальными и обличающими одновременно. «Надо искать факты», согласилась Лютеция, «но, чтобы не просто искать факты, а наткнуться на них, нужно размотать всю цепочку от самого ее начала».

Она стала ходить по комнате, дотрагиваясь ладонями до предметов, а также, до стен. Сейчас, когда она напряженно думала, ей нужны были слушатели, те, кто молча соглашался бы с ней или опровергал бы ее рассуждения; одним словом, ей нужна была аудитория. Она представляла себя обвинителем и адвокатом одновременно, по очереди произносящими речь перед присяжными. Предметы и стены вполне подходили. Лютеция говорила быстро, обращаясь ко всем сразу:

- Начнем с самого начала. Мы встретились в кафе. Он настаивал на знакомстве, я сопротивлялась. Сопротивлялась потому, что не верила ему и правильно делала, но не в этом дело сейчас. Дело в том, что мы очень быстро понравились друг другу, особенно он производил впечатление человека, который встретил, наконец, ту, которую ждал всю свою жизнь. Как будто он знал, как я должна была выглядеть, что говорить и как себя вести. Это странно. Обычно мужчины сомневаются. Он удивил меня. Ну, допустим, любовь с первого взгляда. Любовь, поразившая уже зрелого мужчину. Его лебединая песня. Чувство очень сильное, такое бывает. Пусть даже не совсем то, что ему надо, но он обманывает себя и боится это чувство потерять. Что же я? Я, хоть и не отвергаю его любви, и даже сплю с ним, веду себя непривязанно, постоянно напоминая ему о том, что одиночество, а не новая связь, меня привлекает больше. Я, возможно, задела его самолюбие. Непреднамеренно. Я говорила ему правду. Мне казалось, он поймет и оценит. Что же, я ожидала, что он отнесется к своему чувству несерьезно, а серьезно воспримет мои бредни насчет одиночества? Тогда я – дура. Только это не бредни, это моя жизненная необходимость, это то, чего я хочу, это то, к чему я пришла, прожив три четверти жизни, родив сына от первого брака и выстрадав второй брак с Аристотелем. Я заслужила свое, не обремененное тревогами одиночество. Я вполне свободна выбирать, как мне поступить с оставшимися годами и как провести череду дней и ночей прежде, чем я лягу в гроб. Я хочу оградить себя по возможности от всего: от институтов, религий, объединений, от людей, от их сочувствия, их пошлости и от их любви. Если я все еще возбуждаю их любовь, то это не нарочно. Я – ненужная женщина, в том смысле, что я делаю себя ненужной преднамеренно, стараясь избежать контактов с людьми и со всем, что они повывдумывали. Мне нужны только деньги, раз без них нельзя обойтись. Да, но все это важно для

меня, а не для Тельца, над чувством которого я насмеялась. Он же хотел, чтобы я его любила. Как бы я среагировала на его месте? Он тогда спрашивал меня, хотела ли я чего-нибудь больше всего на свете, настаивала ли на своих желаниях, боролась ли за любимых? Я отвечала что-то умное, глупое, неубедительное. Я обидела его, недооценив его и его чувства. Теперь я должна остановиться. Помолчать и подумать.

Женщина подошла к окну, ее кошка гуляла по саду. Некоторое время она наблюдала за кошкой. Ее ум отдыхал. Женщина боялась снова начать думать, так как ее анализ подходил к концу, и она боялась ошибиться. Тем не менее, она перевела дух и продолжала.

- Телец решил озадачить меня. Он, очевидно, хочет заставить меня полюбить его. Борьба за него, а, следовательно, за свое счастье. Для этого и был приглашен Аристотель. Во мне должна проснуться ревность и я должна вырвать Тельца из объятий Аристотеля, роль которого, осознанная или нет, сводится к роли подсадной утки. Вероятно, Телец хочет мне также напомнить о моей прошедшей жизни, не обеспеченной, по всем параметрам, дурацкой жизни рядом с мужем, которого я не могла уважать. И напугать меня тем, что я могу вернуться в ту жизнь. Но в ту жизнь возврата уже нет. Я уже никогда не вернусь к Аристотелю. Неужели Телец этого не понимает? Аристотель не может быть угрозой для меня, разве что напоминанием. В этом браке было, правда, нечто, чего жалко.

Женщина взяла статуэтку с подоконника и стала рассматривать мальчика с собакой. Статуэтка была хороша, из мейсенского фарфора. У собачки ухо было перевязано голубым платком, видимо, она болела, а мальчик, серьезно, и, то же время, по-доброму, смотрел на нее, грозя ей пальчиком. Мол, опять ты не послушалась, заболела и теперь страдаешь. Мордочка милой таксы выражала стыд и раскаяние.

- А была в этом браке, - сказала Лютеция, обращаясь к мальчику и собаке, - свобода. Свобода до такой степени, что я была свободна от любви и привязанности собственного мужа. Но я могла дышать. Любовь ведь чувство удушьящее.

Она скривилась.

- Зачем любить? Можно и без этого. Прекрасно можно. Я не буду бороться за Тельца и его любовь. Ни он, ни его любовь мне не нужны. А, тем более, не буду сражаться за нее с таким противником, как Аристотель. Могут задушить друг друга в объятиях. Я подожду. Телец не долго выдержит, целовать мужчин он не привык.

Она помолчала немного, поставила статуэтку на подоконник и снова повернулась к своим немым слушателям – предметам и стенам.

- Я отвлеклась. Итак, Аристотель для меня не угроза, Телец хочет, чтобы я его любила, а полюбить его так, как он хочет, я могу только изменившись. Измениться я не могу, в моем возрасте не меняются. И потом, измениться, значит принести себя в жертву. Кому, Господи? Я разгадала Тельца. То, что я видела, не было предательством. Все ясно и не страшно. Прямолинейно немного, но решительно, в американском духе. Я проведу этот день дома.

Лютеция повернула ключ в замке и отперла дверь.

Аристотель вышел в сад. Он остановился у свежих клумб, в задумчивости уставившись на мягкую рыхлую землю. Не поднимая головы, исподлобья, он наблюдал за домом, стараясь проникнуть взглядом за оконные стекла, отражающие свет. Ему было интересно, кто еще был в доме и, возможно,

наблюдает сейчас за ним. А если так, что ему делать, как вести себя? И что в данных обстоятельствах было бы естественным поведением? Его пугала неизвестность. Неопределенность его положения перестала забавлять его сразу же после того, как он получил деньги от Тельца. Кругленькую сумму, между прочим. Он усмехнулся, вспоминая об этом, но провести так, в неизвестности целый месяц, не слишком ли долгий срок? Не сходя с места, Аристотель оглянулся по сторонам. Сад был вычищен, на небольшом холме, среди живописно разбросанных камней, пряталась скамеечка и гуляла кошка. Направляясь к этой скамейке и вынимая сигареты из кармана, он ощущал хрустящее чувство страха. Этот непонятный страх, вернее, только предчувствие страха, прекрасно сочеталось с чистым, слегка прохладным воздухом сада, с его умытостью и пустотой. Неодушевленностью. И он как заяц, за которым исподтишка наблюдают и который не догадывается, что произойдет в следующую минуту. На него охотятся? Над ним смеются? Его изучают? Пока что его только раз поцеловали. Подойдя к скамейке, он снова посмотрел на кошку, которая терлась о камни и, вдруг, он замер. Пачка сигарет выпала из его рук. Он оцепенел, он не мог соображать и не был способен оценить ситуацию. Он бы узнал эту кошку из тысячи, из миллиона, потому что он ее ненавидел. Это была именно та кошка, которая любила его жену и беспощадно драла его. Это была именно та кошка, которую без памяти любила его жена и таскала везде за собой.

Холод стал пробирать Аристотеля до костей. Он не ко времени вспомнил свою родную Грецию и тепло, которое так хорошо там греет кости уже в апреле. Его мозг, задеревеневший от холода и ужаса, все-таки произвел одну очевидную догадку: раз кошка здесь, значит и Ольга здесь. «Зачем? Зачем мы оба здесь?»

Аристотель круто повернулся и пошел в дом. В гостиной он нашел бар, налил себе полстакана виски, упал в кресло и попытался соотнестись с тем обстоятельством, которое явно угрожало ему. Этим обстоятельством была ложь. Будучи сам знатоком лжи в том смысле, что постоянно лгал, он впервые в жизни понял, что означает ложь, когда лгут тебе. Это страшно, больно и непонятно. Как будто разверзлась бездна и неизвестно, пронесет тебя мимо этой бездны или, все-таки, угодишь в нее. Аристотель впервые понял, что тот, кто лжет сильнее того, для кого ложь предназначена, потому что тот, кто лжет, знает, что за его ложью скрывается. Он, конечно, не вспомнил и не пожалел Ольгу и годы ее жизни в его лжи, а испугался за себя, ощутив власть невидимого врага. Был ли этим врагом Телец?

У Аристотеля хватило ума сообразить, что в доме находится он, Телец и Ольга. Кто-то еще? Этого он не мог знать, разве что начать бегать из комнаты в комнату, избличая лгунов и предателей. На это у него не было сил. Аристотель относился к подвиду людей, которые в рискованных и опасных ситуациях перестают двигаться. Их метаболизм замедляется, они меняют окраску, превращаясь в белых, как полотно, привидений, они закрывают глаза или взаправду теряют сознание, предоставляя опасности миновать. Продолжая сидеть в кресле и стараясь сдержать дрожь в своих прекрасных, тонких пальцах, Аристотель сделал три больших глотка из стакана. «Так вот, значит, к кому она ушла», - эта мысль вызвала в нем раздражение и зависть. Он понял, что Ольга нашла гораздо более благополучного мужчину, чем он сам. Он не жалел о том, что потерял ее, ему было завидно, что остаток жизни она проживет лучше, чем он. Зачем же тогда этот мужчина целует его? Или избранником Ольги является кто-то другой? На этом его раздумья застопорились. Он не мог догадаться о том, что роль его очень проста, что его выставили как заведомо проигрышную фигуру в шахматной игре, которую можно легко отдать в погоне за стоящей партией,

просто потому, что не знал отношений Тельца и Ольги. Итак, он удовлетворился злобой и намерением переговорить с Ольгой.

Вечером женщина ужинала с Тельцом. Они не виделись целый день: она не выходила из своей спальни, а Телец ездил по делам. Вечер и приближение ночи всегда сгущают тени, где бы они ни присутствовали, на стенах, в углах или в отношениях. Но отношения наших героев внешне не изменились и остались прежними, какими были вчера. Ведь Телец, хоть и надеялся, что Лютеция нарушит его запрет, не знал наверняка, что Лютеция, ходила в восточную часть дома и видела Аристотеля и его, нежно глядящего щеку ее мужа. Она решила ему об этом сказать, одновременно проверив, правы ли ее догадки.

- Я видела нечто, - сказала Лютеция, - доставая тарелки из шкафчика. - Это нечто меня не испугало и не заставило ревновать. Немного расстроило. Можно было бы обойтись без представления. Зачем ты заставляешь меня?

- Заставляю что? - Телец был занят, из бумажной упаковки он доставал горячий мясной пирог.

- Любить тебя. Не притворяйся. Целуя Аристотеля, ты демонстрировал свою любовь ко мне. А меня ты хотел заставить испугаться. Я должна бояться потерять тебя, ведь так? Зачем он здесь?

Телец ненадолго задумался. Он знал, что ее ум начнет действовать, но даже он не мог предположить, что разгадка будет ею найдена так скоро.

- Чтобы ты ужаснулась. Чтобы задумалась. Чтобы решилась и вырвала меня из его объятий. Чтобы продемонстрировала, а потом отстояла свою любовь в схватке с тем, кто хочет эту любовь у тебя отнять. Ты победишь, не волнуйся.

- Аристотель далек от того, чтобы отнимать у меня какую бы то ни было любовь. Ты заплатил ему?

- Как же без этого?

- Денег не жалко?

- На твою любовь? Нет.

- Итак, ты пустился во все тяжкие, чтобы я полюбила тебя сильно, глубоко и преданно, а, полюбив, завоевала? Вернее, отвоевала у Аристотеля.

- Что-то в этом роде.

- Не мог найти соперника более стоящего?

- Ну, уж уволь, Аристотеля куда ни шло, но целовать настоящего мужчину, даже ради тебя я не смогу.

- Тогда почему несчастный Аристотель, а не женщина?

- Мне говорили, что к мужчине женщина ревнует другого мужчину сильнее, чем к женщине. Когда ее любовник уходит к мужчине, это для нее настоящее поражение, фиаско, разрушающее ее самолюбие. Для твоих недюжинных силенок мой план был как раз подходящим.

- А моих чувств тебе мало.

- Мало. Ты же не любишь меня.

- Кто знает, может быть, полюбила бы, если бы ты не дышал мне в затылок.

- Извини. Я схожу с ума по тебе, я ненасытен. Если бы ты была ягодой или мороженым, я бы пожирал тебя, с утра до ночи, не останавливаясь ни на минуту. Мне хочется, чтобы ты чувствовала так же.

- Чтобы пожирала тебя? Ты знаешь, что такое любовь? Что такое настоящая любовь? Любовь, это, Телец, не просто так. Для славянской души любовь слишком много значит.

Телец налил себе вина. Лютеция почувствовала, что ее коротенький монолог был не убедительным. Никогда не надо обвинять в непонимании другого, если сама не можешь доходчиво объяснить.

- Налей и мне вина. – Лютеция улыбнулась и ласково заглянула ему в глаза. – Я часто обижала тебя последнее время. Помнишь, ты как-то сказал, что идеальных любовников не бывает, один из двух всегда любит не так, как нужно другому. Ты ведь сам все прекрасно понимаешь.

- Так что же такое любовь? Как она выглядит с высоты твоей славянской души? – в голосе Тельца явно слышалась издевка.

- Больше, чем сама жизнь, - Лютеция начала злиться. – Когда любишь, любовь перестает быть частью жизни, жизнь становится любовью. Но никакая любовь не длится долго, жизнь возвращается в свое привычное русло. Русло-то привычное, но жизнь уже не та. Когда любовь угасает, она уносит с собой часть жизни, на месте унесенного куска образовывается пустота, в которой поселяются несчастья.

- Господи, неужели нельзя любить нормально? Когда любовь часть жизни, а не наоборот? Потому что когда видишь жизнь в ее полноте и многообразии, не замазывая, как холст, все одним цветом, то можно сохранить себе рассудок и жизнь, и совсем не обязательно бросаться под поезд, как эта ваша, ну, как ее?

- Это ты про Анну Каренину? Знаешь, а, ведь знаешь! Что, читал? Пример твой, все же, неудачный. Анна не является ни символом любви, ни ее жертвой. Зачем ты сказал о ней?

- Страшно, когда люди вот так, из-за любви под поезд и жизни как не бывало.

- А ты не бойся.

Лютеция пила частыми маленькими глотками вино, вытягивая пальцами из пузатой салатницы зеленые листики. Кусок венского мясного пирога, который им принесли из ресторана, оставался на ее тарелке нетронутым. От страха и внутреннего замешательства, и из-за того, что приходится говорить про любовь, она быстро пьянела. Любовь задела ее только краем, в то время, когда она была влюблена в Аристотеля. С тех пор она боялась любви. Это чувство виделось ей огромным, опасным и не обязательным. Для Тельца любовь была одним из жизненных отправлениях, как поесть, поспать и сходить в церковь, если бы он был верующим. Любовь представлялась ему одним из удовлетворений тела и души, которые приносят радость, насыщение и успокоение. Для Лютеции любовь была необъятна и включала в себя жизнь, а не наоборот.

- Нормально любить нельзя, иначе это – не любовь, а приятное времяпрепровождение или, в худшем случае, выполнение долга. Поэтому двадцать раз подумаешь, прежде чем решиться на эту любовь.

- Это что же, любовь можно регулировать? Поднимать и опускать шлагбаум? Пускать или не пускать?

- Если ума хватит, то надо регулировать.

- И жить без любви? – спросил Телец с полным ртом мясного пирога.

- И жить спокойно. Зачем мне лгать, Телец? Любить тебя безумно и страстно, так, как я понимаю любовь, я не могу. Попросту сказать, не умею. Или боюсь. Любить тебя, как мороженное, не хочу.

- Странно, казалось бы ты, женщина, да к тому же, со всей твоей славянской страстностью, жертвенностью и трагизмом, должна лететь к любви, как бабочка на огонь, а ты отпираешься.

- Потому и отпираюсь. Потому что бабочка и огонь. А что касается Анны,

то она совершила ряд ошибок, которые привели к глупой смерти. Причем, влюбленность во Вронского не была одной из этих ошибок, эта влюбленность была вполне закономерной и правильной, и могла бы стать очень счастливой любовью.

- Из-за чего же не сложилось? Из-за того, что любовь стала жизнью?

- Ты абсолютно прав. Толстой сказал: «Трудно любить женщину и делать что-нибудь». Можно переиначить и сказать: «Трудно любить мужчину и делать что-нибудь». Анна должна была получить развод, когда ее муж ей этот развод давал, выйти замуж за Вронского, оградив его и себя от сплетен и осуждения, раз они оба принадлежали к высшему свету, где сплетничают и осуждают, и, таким образом, утвердив себя, наслаждаться жизнью. Она же хотела только любить. Любить без помех. Конечно, когда любиться, оформлять развод, отвоевывать своего сына, сносясь со своим старым, нелюбимым мужем, не самое приятное, но необходимое действие. Анна поленилась упорядочить свою жизнь ради своей любви и своего будущего. К тому же, последний год перед смертью, она стала принимать морфий, превратившись в наркоманку. А когда сознание затуманено, сам понимаешь, ни думать невозможно, ни поступать правильно. Простая история, Телец, очень человеческая и очень современная. Поэтому живучая. Никаких символов и страхов в ней нет. Только ошибки. Ты тоже ошибся с Аристотелем, поэтому скажи, чтобы он ушел. Твой план не удался.

- Надеюсь, мне не придется расстаться с жизнью из-за моей ошибки?

- Почему ты спрашиваешь меня? Для меня твоя ошибка мало значит.

- Что ты собираешься делать?

- Сожалеть. Знаешь, нам могло бы быть хорошо вдвоем. Мне кажется, твое понимание любви и мое понимание отсутствия любви почти совпадают.

- Ты бросишь меня? – в голосе Тельца не было сожаления, только любопытство. План его был легко разгадан и провалился. Сам он был огорчен и раздражен, ведь он вкладывал в свою задумку много смысла. Но этот смысл, видимый ему так возбуждающе ясно, Лютеции не был виден вовсе, или был виден, но в другом свете – пошлом и мелком. Она не подыграла ему, не стала его союзником, не притворилась, что понимает и ценит его план, не вознесла его гений на пьедестал, не стала любить и боготворить.

- Меня и так здесь нет.

- Уволь меня от высокопарности.

- Ты же выдумал меня, поэтому и полюбил. Помнишь нашу первую встречу? Помнишь, как ты выдумал мне имя, как кошке? Поселил в этом доме, у которого нет ни лица, ни души, только страшно дорогие стены, и просил меня выдумать ему душу, и сейчас пригласил Аристотеля, чтобы я, ужаснувшись чему-то, и приревновав тебя к неудачнику и недоумку, бросилась тебе на шею. – Лютеция рассмеялась, она была немного пьяна. Ей жаль было начала их знакомства, супа с мадерой, бесконечных разговоров и ее надежд. Господь уберег, она никогда не расставалась со своими мыслями об одиночестве. – Ты просто не видишь меня такой, какая я есть на самом деле и, конечно, не любишь. Кого ты любишь? Свое создание? А ты сам? Себя ты тоже создал, переехав сюда, в Вену? Приехал открывать заново Европу? Или покорять? Да нет, скорей уж открывать. У тебя ведь есть настоящее имя? Какое? Джон? Джек? Билл? Эзра? От кого ты прячешься, создавая себя и людей вокруг себя? Сначала ты создаешь иллюзии вокруг себя, потом веришь в них, потом начинаешь жить и действовать в своем вывороченном наизнанку мире. Ты позволяешь себе манипулировать людьми, вмешиваясь в их судьбы, калеча их веру и жизни. Кто тебе дал право?

Как ты мог сотворить такое с Аристотелем? Он же, как ребенок, ничего не поймет и запутается! А я? Слава богу, что у меня ума хватило не принимать твою шутку всерьез. – Она немного помолчала. – Ты хоть помнишь еще, что меня зовут Ольга?

Телец молчал. Их взгляды встретились. Ольга смотрела на него с грустью, он бросал на нее сердитые взгляды. Она зашла слишком далеко, выставив его голым, сорвав с него одежды, тщательно скроенные им в течение жизни. Это был бунт против навязанной им любви, которая на самом деле и любовью-то не была. Оба знали это. Если Телец – психопат, придумавший себя и людей, от него можно было ждать чего угодно. Сошедшим с ума нельзя говорить, что они сумасшедшие. Они обижаются и злятся. Иногда они своих обидчиков убивают. Ольга прекрасно понимала это.

- Не мучь Аристотеля, скажи ему, чтобы он ушел, - тихо сказала она. – Ты прав, может так и надо жить, выдумывая себя и других. Иначе скучно. Он уйдет, мы сядем и поговорим. Вспомним нашу первую встречу и суп с мадерой, и все будет хорошо. Мы вернемся назад и все забудем. Я останусь и буду любить тебя, как ягоду, как мороженное.

- Зачем? – Телец смотрел на нее и не узнавал этой женщины. Он не знал, что она делает у него в доме и почему хочет любить его.

- Я скажу тебе завтра.

Ольга повернулась и, стараясь не делать резких движений, выскользнула за дверь. Если бы она не боялась спровоцировать Тельца больше, чем она уже сделала за ужином, она бы бросилась в свою комнату бегом. Как только она закрыла за собой дверь своей спальни, она повернула ключ в замке. Ей нужна была только одна ночь, завтра она уедет.

Этой ночью никто в доме не спал. Телец был раздражен присутствием двух незнакомцев в его доме и тем, что его выставили идиотом. Ольга не находила себе места по двум причинам: во-первых, она ожидала реакции Тельца на их разговор за ужином, ведь он совсем не глуп и очень себялюбив, что делает его опасным а, во-вторых, она ожидала и не могла себе представить реакции Аристотеля, когда тот узнает, что она здесь. Аристотель, который так и не понял, зачем в доме, где находится его жена, его целовал мужчина, фантазировал свой утренний диалог с Ольгой или сразу с обоими, с ней и Тельцом. На этот раз он не будет прятаться, с ним сыграли глупую шутку и унизили.

На следующее утро Ольга вышла в сад. После проведенной без сна ночи, она так боялась Тельца, что присутствие Аристотеля в доме, придавало ей храбрости. Бродить по дому в поисках Аристотеля она не решилась, в саду ей казалось безопаснее, и она надеялась, что, увидев ее, Аристотель обязательно спустится. Вспомнив для чего ее муж здесь, она зажмурилась: даже ей его роль показалась слишком унижительной. Жалость мокрой тряпкой плюхнулась ей на душу. Теперь Аристотель представлялся ей гораздо более стоящим человеком, чем Телец со всеми его деньгами, благополучием, выдуманными именами и любовью к выдуманным людям. «Этот, по крайней мере, не может причинить зла, - подумала Ольга, - у него не хватит ни ума, ни сил на это. Аристотель бесполезный индивидуум, человек с нежной душой крокуса».

Призывно смотря на окна, шепча про себя заклинания Аристотелю, чтобы он вышел в сад, Ольга для отвода глаз подстригала отросшие верхушки кустов. Садовые ножницы с длинными концами она захватила, как обычно, в сарае, и теперь не послушный, требующий смазки, садовый инструмент, причинял ее пальцам боль даже через толстые садовые перчатки. Она не вполне понимала, зачем ей понадобилось подстригать кусты и сегодня тоже, когда уже все кончено,

но стоять памятником посреди сада в ожидании не очень сообразительного Аристотеля, было намного хуже. И потом, когда она боялась, она должна была что-то делать. Телец предал ее, она почти поверила ему, а, на самом деле, залезла все дальше в мышеловку, подброшенную психопатом. Нужно было бы собрать чемодан, вызвать такси и уехать, но Ольге казалось, что еще не все сказано. Танец не был окончен, что-то должно обязательно произойти до того момента, как танцоры замрут, сдерживая прерывистое дыхание. Она понимала, что то, что произойдет в следующие минуты или часы, уже стало частью ее самой, и от этого никуда не деться. Это неясное, непонятное что-то поставит конец во всей этой неразберихе, затеянной Тельцом. Она также боялась оставить Аристотеля одного, с глазу на глаз с Тельцом.

Наконец, через побеги высоких кустов, она увидела Аристотеля, решительно шагнувшего через лужайку по направлению к ней. Его детское, красивое лицо было искажено решимостью и злобой. Он хотел допросить Ольгу; результатом этого допроса должно было стать избавление от ситуации, в которую он влез. Он хотел перестать быть дичью, которую загоняют невидимые, и, поэтому, опасные егеря. Для кого загоняют? А если она заодно с ними? Что, если именно она – главная героиня, желающая мести? Аристотель на минуту остановился. Ольга от досады закусила губу, но потом глазами стала умолять его подойти. Аристотель нерешительно сдвинулся с места. Когда он был в нескольких шагах от Ольги, она схватила его за рукав и притянула к себе.

- Так вот твои гости! – зашептала она. – Что ты тут делаешь?! Хотя, не говори, я знаю. Он, что, заплатил тебе?
- Знаешь, зачем я здесь? Ты что, заодно с ним? Я так и знал.
- Нет, я не заодно. Я хочу вырваться отсюда. И тебе надо.
- Сначала скажи, зачем я здесь? – Аристотель был упрям, как ребенок.
- Чтобы я полюбила его.
- Не морочь меня, ты же ушла к нему, значит, уже любила. А если нет, то как я, что я ...?
- Ты ничего, конечно.
- Почему мы оба здесь?
- Потому что он так захотел. Ему ничего не стоило. Денег у него куры не клюют. Он захотел развлечься. С самого начала все было игрой.
- Это все из-за тебя. Ладно, я дурак, но ты же никогда не ошибаешься! Я не хочу возвращать ему деньги.
- Сейчас не о деньгах надо думать, а о ...

Ольга не договорила, через лужайку к ним шагал Телец. В замешательстве Аристотель вцепился в Ольгин локоть, она скривилась от боли и выронила садовые ножницы. Аристотель машинально наклонился, поднял ножницы и так же машинально снова сунул их в руку своей жены. Произошла непонятная заминка. Ольга подумала, что поднимать ножницы было совсем не обязательно, они могли бы продолжать валяться на земле. Неужели Аристотель думает, что она будет продолжать подстригать кусты? Телец на минуту запнулся и остановился. В то время, как Аристотель поднял ножницы, Телец посмотрел на него с презрением и сожалением одновременно. Как будто тот совершил свою последнюю ошибку. И только Аристотель ничего не понял.

- Встретились? – Телец смотрел на них с неприязнью. Это было неизбежно. Я, правда, не думал, что ваша встреча произойдет так скоро. Аристотель, не бойтесь. Вы можете быть свободны. Жалко, что не прожили здесь месяц, как предполагалось, но ничего, на мои деньги как-нибудь устроитесь. А, ты, Лютеция...

- Лютеция? – Аристотель не смог сдержать любопытства.
- Не придавай значения, - судорожно усмехнулась Ольга. – Я – Лютеция, а ты – Нарцисс. Давай знакомиться. Тебе приятно?
- Ольга, - Телец нехотя выговорил ее настоящее имя, с трудом скрывая раздражение, - так вот, Ольга, я бы хотел, чтобы ты осталась.

Ольга молча смотрела на двоих мужчин, стоявших рядом с ней. Телец был одет по-спортивно: клетчатая рубашка и выдавшие виды джинсы. Уверенный в себе хозяин дома и игры.

Аристотель был одет, как всегда, с иголки – на нем был прекрасный пиджак, свежая рубашка и галстук. Брюки и туфли были также подобраны со вкусом.

- Готовился к новым поцелуям? – окинув внешне безупречного Аристотеля взглядом, Ольга не смогла удержаться от ехидства.

Все, что произошло в следующее мгновение, произошло быстро и то, что произошло, было невероятным и неправдоподобным. Аристотель с силой толкнул руку Ольги, в которой она держала садовые ножницы, вперед. Ножницы своими острыми концами вонзились Тельцу в правый бок, куда-то под ребра. Удивленно посмотрев на Аристотеля и Ольгу, и зажав не вошедшую в его тело часть ножниц в руке, Телец стал медленно оседать на землю. Ольга, будучи не в состоянии понять, что пора выпустить ножницы, падала вместе с ним. Падая, она очень близко, словно сквозь увеличительное стекло, видела искаженное ужасом лицо Тельца. Очутившись на земле, она, ничего не чувствуя, обняла ладонями лицо Тельца. Ей казалось, он умирал.

Аристотель не стал ждать развязки и ненужных вопросов, упреков и обвинений. Он развернулся и бодро зашагал к дому. Ольге показалось, что он насвистывал мелодию греческой песенки. Стараясь прислушаться, она вдруг поняла, что обрывается в бесконечное никуда. Там, где она оказалась, не было ни воздуха, ни звуков. Тишина окутала Ольгу, она перестала слышать свист Аристотеля, пение птиц, шелест автомобильных шин по асфальтовой дороге за оградой сада. Все погрузилось в прозрачную вязкость, сквозь которую она различала пестро-золотое месиво позднего весеннего утра, состоявшего из солнечных лучей и пятен, а также, из коричнево-бурых луж, растекающихся из насаженных ею клумб. Она долго сидела, почти не дыша, на траве рядом с умирающим Тельцом, силясь сделать движение рукой, и не могла. Она плохо понимала, что произошло, но того, что она понимала, было достаточно, чтобы не двигаться. Двигаться не нужно, потому что никакое движение или усилие, или мысль не изменят ни происшедшего, ни последствий происшедшего.

Оставив свое тело сидеть неподвижно на траве, очень медленно, преодолевая опустошенность и изнемогая от усталости, Ольга начала думать. Она понимала, что убийство или покушение на убийство, было произведено ее рукой. Действовал, конечно, Аристотель, но орудие убийства было зажато в ее руке. Ей также показалось, что Аристотель пошел в дом совсем не за тем, чтобы вызвать скорую. И потом, как он мог, будучи отпетым трусом, не ужаснуться и не испугаться того, что сделал? Ольга перевела взгляд на ножницы и на рану. Она понятия не имела, насколько глубока рана, и не знала, надеялась ли она на то, что Телец выживет. Она не думала об этом. В самом акте покушения на его жизнь для нее заключалась смерть. Телец, не желая причинять себе большие страдания, и из-за боязни, что если он отпустит концы ножниц или вынет их из раны, хлынет кровь, лежал неподвижно. В полузабытьи Ольга не убрала ладоней с его лица, но уже долгое время они оставались неподвижными, как две мертвые

холодные птички, еще недавно певшие на ветке. Казалось, Ольга, накрытая черным облаком содеянного, забыла обо всем на свете.

Вдруг, она вздрогнула. Внезапно в ее состоянии произошла перемена. Ее вывел из апатии настойчивый и резкий звук будильника, услышанный только ею. Этот звук раздавался у нее в мозгу, и, не переставая, трезвонил ей о том, что из обстоятельства, в котором она оказалась, пора выпутываться, и чем скорее, тем лучше.

Последнюю треть жизни она мечтала об одиночестве, но никогда ее воображение не рисовало ей желанные годы одиночества, протекающие в тюремной камере. Одиночество под присмотром. Нет, это не выход. Неожиданно ее размышления были прерваны. Она услышала слабый голос Тельца, прорвавшийся сквозь треньканье будильника.

- Какой я, право, неловкий. Хотел подрезать кусты, споткнулся и напоролся на ножницы. Какая неудача!

Ольга, с трудом повернув голову, внимательно посмотрела на него. Она молчала. Из дома появился Аристотель, в одной руке он нес чемодан, в другой – дорожную сумку. Вспомнилось, что эту сумку они купили вместе перед отъездом в Вену. Новая работа, новые ожидания, новые большие деньги раздобрили их на шикарный и, вместе с тем, вместительный Louis Vuitton. Теперь же Аристотель грациозно уносил эту сумку из ее жизни, по-видимому, навсегда. Ольга против воли залюбовалась своим мужем. Все в нем было красиво: не изменившиеся с возрастом и не обрюзгшие черты лица, улыбающиеся пухлые губы, подрагивающие при походке черные, вьющиеся волосы, художественно контрастирующие с оливковым цветом его лица, который, как китайская бронза эпохи Шан, не поглощал солнечный свет, а, наоборот, отражал его. Лицо Аристотеля светилось, его худое, гармонично двигающееся тело, легко шагало по направлению к калитке. Увидев Тельца и Ольгу, Аристотель помахал им обоим рукой. За воротами ожидало подъехавшее такси. Волна нежности и отчаяния пронзила ее сердце. «Именно так уходят навсегда», - с обидой подумала Ольга.

Переведя полный слез взгляд на Тельца, и заметив, что ее ладони в перчатках все еще обнимают его лицо, она отдернула руки. От только что происшедшего предательства, она сделалась спокойной и хладнокровной.

Она больше не чувствовала ни боли, ни удивления, ни скорби, ни смирения, придавивших ее после преступления. У нее также не было больше сомнений.

В той мрачной шутке, которую с ней сыграли Телец и Аристотель, оба были равноценными и равноправными актерами. Единственное, что рознило их, была их конечная цель: Телец хотел заставить ее любить, Аристотель страдать. Аристотель отнюдь не был ни дичью, ни плохонькой декорацией и был посвящен во все детали с самого начала. Он вызвался помочь – разумеется, за деньги – засадить ее за высокие стены не нужной ей любви, дабы преподнести ей урок, суть которого заключалась в приобретении знания – «как живет в браке без любви». Аристотель хотел, чтобы она на своей шкуре испытала, каково приходилось ему семнадцать лет жить с ней, не любя ее. Но ведь она не неволила, не заставляла его. Или, все же, заставляла, не уходя от него только потому, что ей некуда было уйти? Пристрастилась к его временным заработкам, как хронический алкоголик, у которого успело притупиться чувство собственного достоинства.

- Ты ведь ему не за поцелуй заплатил, а за эту рану, - Ольга задыхалась, с трудом сдерживая гнев. Все повернулось гораздо хуже, чем она представляла десять минут тому назад. – Тот поцелуй я должна была увидеть и среагировать на него, начать ревновать. Но я не среагировала. Тогда ты, вернее, вы – ты и

Аристотель, оба мерзавцы, – пошли дальше. Он толкнул мою руку, я ранила тебя, совершив преступление. В ужасе и панике, я стараюсь понять, что произошло. Вдруг я вижу своего мужа, который покидает место преступления и беззаботно машет нам рукой. Ты, после того, как он уходит, благородно соглашаешься взять все на себя, объявив властям, что произошел несчастный случай. Аристотеля здесь нет, он на свободе с твоими деньгами, ты лежишь с раной, из которой торчит орудие преступления. Вы оба исключены и невинны. Остаюсь я одна, изодранный преступница и беспомощная жертва одновременно. Кто мне поверит, решишь ли настаивать на правде? Я – в мышеловке. Я в твоих руках, ты наконец-то заставил меня любить себя! Невероятными усилиями, почти ценой своей жизни, тебе удалось воздвигнуть вокруг своей Лютеции высокие стены незримой тюрьмы, за которыми она будет дарить тебе свою взаимную любовь, ежеминутно помня и страшаясь того, что ты хранишь тайну ее нечаянного преступления и в любую минуту можешь выдать ее полиции. Шантаж в обмен на мою любовь! Ты уже поверил, что я твоя пленница. Да здравствует любовь! Божественная и земная! Насильственная и свободная! Да здравствует любовь, что больше самой жизни!

Ольга с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, отошла к кустам. Она зачем-то подобрала перчатки, сброшенные ею после того, как ножницы вонзились в бок Тельца. Облокотившись на деревянную ограду, она с горечью думала о том, что Аристотель с такой готовностью согласился принять участие в ее казни. О, да, произошедшее было ее казнью! Мучительной казнью. Он, конечно, отомстил ей за все эти годы унижительного для него брака. Жестокий, маленький Аристотель, Аристотель-ребенок, Нарцисс, как его называл Телец, оказался достойным противником в руках опытного кукловода. Она любила Аристотеля и свободу. Она никогда не любила Тельца.

Сквозь раздумья, Ольга услышала, что Телец зовет ее подойти. На миг ей показалось, что все ее размышления были ошибкой.

- Меня зовут Сэм. Имя мое настоящее, Сэм. Ничего не значит, как видишь.

Присев на корточки рядом с ним, Ольга долго смотрела на него, а потом, натянув садовые перчатки, ухватилась за торчавшие ножницы и глубоко вонзила их в тело Тельца, так что их острые концы вошли в землю за его спиной.

- Все будет хорошо, Сэм, - наклонившись к его лицу, прошептала она. Затем Ольга поднялась, сняла перчатки, отнесла их в сарай и пошла в дом.

Набирая телефон полиции, она подумала о том, что всю жизнь была узницей своей мечты об одиночестве, и как хорошо, что некий Сэм, несмотря на все свои старания, так и не смог завладеть ею. Что же касается Аристотеля, она была уверена, что он едет в аэропорт. Она знала расписание авиарейсов на Афины. До следующего рейса оставалось еще два часа. Полиции как раз хватит времени, чтобы арестовать ревнивого мужа, убившего любовника своей жены.

КОНЕЦ.

